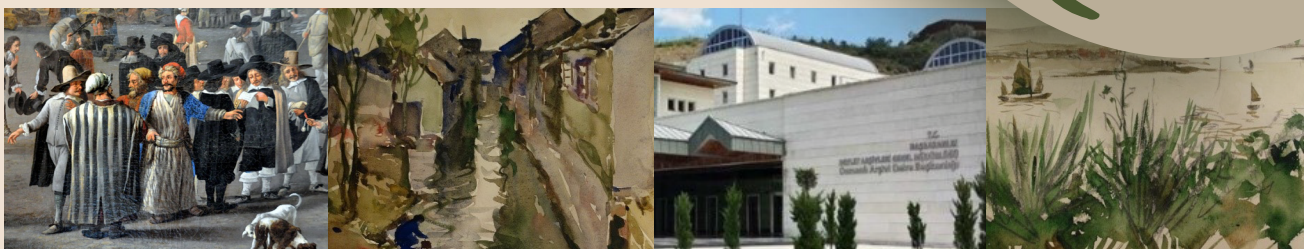

ISSN 2499-9997

UNIVERSUM HUMANITARIUM

Научный журнал

2024

№ 1 Основан в апреле 2015 года

UNIVERSUM HUMANITARIUM
2024 № 1

Научный журнал
Выходит один раз в год

Главный редактор

Борисенко Алиса Юльевна – д.и.н., с.н.с. Института археологии и этнографии СО РАН, с.н.с. Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета, доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Ответственный секретарь

Давыдов Роман Вячеславович, м. н. с. Лаборатории цифровых технологий в археологических, антропологических и этнографических исследований ИАЭТ СО РАН, м.н.с. Лаборатории гуманитарных исследований НГУ, Новосибирск, Россия

Члены редакционной коллегии

Аблажей Наталья Николаевна – д.и.н., в.н.с. Института истории СО РАН, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия

Бобров Леонид Александрович – д.и.н., Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Борисов Андриан Афанасьевич – д.и.н., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Россия

Дампилова Людмила Санжибоевна – д.филол.н., Бурятский институт монголоведения, буддологии, тибетологии, Улан-Удэ, Россия

Долгушин Дмитрий Владимирович – д.и.н., Новосибирский государственный университет, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Ким Игорь Ефимович – д.филол.н., Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Кошкарева Наталья Борисовна – д.и.н., Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Ойноткинова Надежда Романовна – д.филол.н., Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Октябрьская Ирина Вячеславовна – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Панина Нина Леонидовна – д-р искусств., Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Рудая Наталия Алексеевна – д.геогр.н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Табарев Андрей Владимирович – д.и.н., Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Уртешев Николай Сергеевич – д.филол.н., Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

ПРОЕКТ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
СРЕДИ ВЕДУЩИХ МИРОВЫХ
НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ

Редактор А. Ю. Борисенко
Макет Е. А. Штри

© Новосибирский государственный университет, 2024

Содержание

Исследования

<i>Борисенко А. Ю.</i> Русское население Иркутской провинции (по материалам академических экспедиций XVIII века)	8
<i>Пастухов А. М., Лабарткава А. М.</i> Международные отношения цинского Китая после завоевания Синьцзяна: проблема идентификации владения Яливань из «Хуан Цин чжигун ту»	29
<i>Аксенова И. Ю.</i> Новые советские праздники в традиционном праздничном календаре у сельских жителей Алтая во второй половине XX в.: (по материалам этнографических экспедиций 2013–2024 гг.)	56
<i>Айтач А.</i> Несколько замечаний о тканях из серасера в Османской империи	75
<i>Прокопьев М. В.</i> «Китайские страницы» дневников Григория Ликмана	89

Конференции

<i>Борисенко А. Ю.</i> Культура русских в археологических исследованиях	108
---	-----

Слово редактора

Уважаемые коллеги и друзья!

Наш журнал претерпел некоторые изменения. Теперь мы приглашаем к сотрудничеству наших коллег различных исторических направлений – этнографов, антропологов, востоковедов, историков, культурологов. Мы и раньше давали возможность нашим авторам размещать в своих статьях большее количество иллюстраций, чем это возможно в журналах бумажного формата. Со следующего года мы с радостью предоставляем Вам новую возможность – Вы можете включать в свои работы аудио- или видеофайлы.

Если Вам предстоит проводить научное мероприятие, мы готовы разместить на наших страницах его анонс во вновь созданном информационном блоке.

Этот номер – пилотный в новом формате. Мы представляем Вашему вниманию статьи по этнографии, культурологии, археологии, а также информацию о работе международной конференции «Культура русских в археологических исследованиях».

Среди наших авторов в этот раз наш коллега, доцент из университета Aydin, Турция Ahmet Aytaç. Его статья посвящена анализу особого вида традиционных турецких тканей серасер.

В статье посвященной международным отношениям цинского Китая А. М. Пастухов и А. М. Лабарткава ставят вопрос об отождествлении владения Яливань с Эриванским ханством.

В этнографической статье, посвященной новым советским праздникам в традиционном календаре населения Алтая во второй половине XX в., И.А. Аксенова рассматривает вопросы адаптации современных праздников к традиционной праздничной обрядности.

В этом номере также М.В. Прокопьев вводит в научный оборот фрагменты дневников художника Г.Г. Ликмана в аспекте публицистического осмысления событий советско-китайского культурного обмена.

Мы очень надеемся, что нововведения в нашем журнале сделают его более интересным для читателей и привлекательным для авторов.

Редакция журнала «Universum Humanitarium»

Исследования

2024 Научный журнал

№ 1

Universum Humanitarium

Русское население Иркутской провинции (по материалам академических экспедиций XVIII века)

А.Ю. Борисенко

Институт археологии и этнографии СО РАН

Аннотация

Представлен обзор сведений о повседневной культуре русского населения Иркутской провинции, собранных европейскими исследователями – участниками научных экспедиций, организованных Российским государством в XVIII веке: Д.Г. Мессершмидтом, Г.Ф. Миллером, И.Э. Фишером, И.Г. Гmeliным, П.С. Палласом, И.Г. Георги. Посредством историко-сравнительного метода в статье выявлены взаимозаимствования русского и аборигенного населения Сибири; традиции, фиксировавшиеся на протяжении XVIII в. участниками академических экспедиций и сохранившиеся в измененном виде до настоящего времени, что позволяет проследить их ретроспективное развитие; прослежены изменения в описательном подходе у авторов исследуемых сочинений с 20-х по 70-е гг. XVIII в. Представленный в статье материал может иметь практическое значение для специалистов, занимающихся изучением этнографии и этнологии русских на территории современной Иркутской области.

Ключевые слова

Культура повседневности, русское население, Иркутская провинция, академические экспедиции XVIII в., Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, И.Э. Фишер, П.С. Паллас, И.Г. Георги.

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)»

Для цитирования

Борисенко А. Ю. Русское население Иркутской провинции (по материалам академических экспедиций XVIII века) // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. С. 8–28. DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-8-28

The russian population of the Irkutsk province based on the materials of academic expeditions of the XVIII century

A.Yu. Borisenko

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS

Abstract

This paper presents an overview of information about the everyday culture of the Russian population of the Irkutsk province, collected by European researchers – participants of scientific expeditions organized by the Russian state in the XVIII century – D.G. Messerschmidt, G.F. Miller, I.E. Fisher, I.G. Gmelin, P.S. Pallas, I.G. Georgi. At the beginning of the work, the definition of the concept of «everyday life» is given, which we relied on during the writing of this article. Next, a brief overview of the historical context in which interest in the history of Siberia was formed by the Russian and foreign scientific community is given, and the history of the penetration of the Russian population into the Siberian territories is briefly described. By means of the historical and comparative method, the article reveals: the interchanges of the Russian and aboriginal population of Siberia; traditions recorded during the XVIII century participants of academic expeditions and preserved in modified form to the present, which allows us to trace their retrospective development; changes in the descriptive approach of the authors of the studied works from the 20s to the 70s of the XVIII century are traced. The material presented in the article may be of practical importance for specialists engaged in the study of ethnography and ethnology of Russians in the territory of the modern Irkutsk region.

Keywords

culture of everyday life, Russian population, Irkutsk province, academic expeditions of the XVIII century, D.G. Messerschmidt, G.F. Müller, J.G. Gmelin, J.E. Fisher, P.S. Pallas, J.G. Georgi.

Funding

The study was conducted as part of the implementation of the State Assignment of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity under the project No. FSUS-2025-0009 «Features of the formation of intercultural communications in Siberia – from the Stone Age to the early Modern Period (according to archaeological and written sources)

For citation

Borisenko A.Yu. The russian population of the Irkutsk province based on the materials of academic expeditions of the XVIII century // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. P. 8–28.

DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-8-28

Введение

На протяжении более чем трех столетий европейцы проявляли интерес к Московскому царству и присоединенным им территориям Урала и Сибири. Одним из основных стимулов для подобной заинтересованности был поиск торгового пути в Китай через Сибирь [Борисенко, Худяков, 2005. С. 40]. Вплоть до XVIII в. представление о России и ее народах складывалось в Европе из разрозненных сведений дипломатов, военных, администраторов. В связи с существенными переменами роли и статуса России на международной арене с начала XVIII в. отношение к ней изменилось [Кротов, 2021. С. 43], что отразилось в публикациях о России в западноевропейской прессе. Если ранее это были по большей части краткие описания, то в петровское время стали появляться публикации публицистического, философского, географического характера. Это может указывать на расширение тематического кругозора европейцев в тех вопросах, которые касались России, и может характеризоваться как новый этап западноевропейской литературы о России. В первой половине XVIII в. в Европе и в частности в Германии стали набирать силу просветительские тенденции, призывавшие относиться к нравам и обычаям народов с большим вниманием и доброжелательством, а также стремление вписать изучаемые народы в контекст мировой истории. Немецкая научная литература была открыта новым веяниям [Белковец, 2021. С. 45, 47, 54].

Приглашенные иностранные специалисты, возглавлявшие или принимавшие участие в первых исследовательских экспедициях, как правило, опирались на заранее составленную исследовательскую программу, однако при этом имели и полное право шире трактовать поставленные перед ними задачи [Хартанович, 2019. С. 38]. В их путевых заметках и отчетах имеются сведения не только о необычных для европейца фактах, как было ранее, но по возможности «с вниманием и доброжелательством» описана окружающая их действительность. К 20-м гг. XVIII в. сложилась «определенная система описания традиционной культуры встречаемых народов», которая включала описание их внешнего облика, жилищ, хозяйственных занятий, пищи, верований [Там же. С. 38].

В историографии основной характеристикой первых российских научных проектов является их комплексность. Тем самым авторы стремятся подчеркнуть грандиозность планов и широту исследовательской мысли, а также определенную универсальность применя-

емых для познания действительности методов. На начальном этапе познавательный процесс в науках предполагал накопление эмпирических данных посредством наблюдения [Шипилов, 2021. С. 129–130]. Применительно к теме нашей работы такая «комплексность» может рассматриваться как возможно более полное описание участниками экспедиций XVIII в. повседневной жизни и деятельности русского населения Иркутской провинции.

Среди исследователей нет единого определения понятия «повседневность». Но чаще всего оно трактуется схожим по смыслу с понятиями «быт», «бытовая культура» и пр. [Щербакова, 2013. С. 92]. В своей работе мы будем исходить из того, что понятие «культура повседневности» не ограничивается культурой «вещности» и включает в себя не просто описание объектов бытовой материальной культуры русского населения бассейнов Ангары, Лены и Нижней Тунгуски, но и то, в какой взаимосвязи они состояли с духовной культурой этого населения в начале XVIII в.

В качестве источника нами был привлечены экспедиционные материалы Д.Г. Мессершмидта за 1723 г., участников Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина и И.Э. Фишера, участников физической экспедиции 1768–1774 гг. П.С. Палласа и И.Г. Георги.

Изложение материалов

Первые русские появились на территории современной Иркутской области в начале XVII в., задолго до появления здесь иностранных исследователей, и связано это было с освоением промысловых земель. Именно охотники, занимавшиеся пушным промыслом, составляли здесь подавляющую часть русского населения. К середине XVII в., по мере захвата пушных промыслов и рынков крупными предпринимателями, рядовые промысловики все чаще начинают сбывать свой товар на местных ярмарках, в связи с чем теряют необходимость вывозить добычу в европейские районы страны, и становятся постоянными насельниками [Александров, 1964. С. 65]. О процветании пушного промысла упоминают все из привлеченных нами авторов. Их активная «профессиональная» деятельность в конечном итоге привела к истреблению отдельных видов промысловых животных, что также отмечалось исследователями [Messerschmidt, 1964. S. 85, 144]. Многочисленные русские антропотопонимы – названия заимок, пашен и пр., – могут рассматриваться как аргумент в пользу пребывания здесь русского населения [Чивтаев, 2021. С. 224], а их ло-

кализация отражает особенности расселения русских в Прибайкалье, междуречье Ангары, Нижней Тунгуски, Лены. Бóльшую часть (84 %) таких наименований на территории Иркутской области охватывают районы, прилегающие к долине р. Лены и Ангары, а также вдоль «московского тракта» и позже – Восточно-Сибирской железной дороги [Дамбуев, 2013. С. 246–247].

Одним из признаков, демонстрирующих принадлежность к определенной культуре, является архитектура. Обустройство жизни на новых территориях сопровождалось созданием своего социального пространства, наполненного определенной символикой. В Сибири это выражалось в строительстве оборонительных и религиозных сооружений – часовен и церквей, а также в размещении привычных символов – крестов и икон – на воротах, стенах и пр., придавало новому месту более привычный вид, что способствовало психологическому комфорту, помогало адаптироваться в новых условиях [Майничева, 2018. С. 464]. Жилые и хозяйственные помещения зачастую не сохранились до настоящего времени. Информация, собранная участниками экспедиций XVIII в., может дополнить наши знания об архитектурных традициях русских Иркутской губернии. Так, Д.Г. Мессершмидтом было упоминаются 135 русскоязычных топонимов, среди которых и несколько зимовий. Некоторые были достаточно подробно описаны, в том числе их внутреннее убранство и особенности архитектурных конструкций. Одно из таких зимовье Архипово, расположенное в районе р. Кирамки, куда его привел русский проводатый, зимовавший в нем ранее. Как и другие подобные зимовья, оно представляло собой однокомнатное строение высотой около 2,8 м с земляными полами, широкими лавками с двух сторон. В зимовье имелись окна, которые располагались на уровне лавок, примерно в полуметре от пола. Комната отапливалась «по-черному». Печь, построенная из скальника и глины, располагалась в углу комнаты. Растопив ее рано утром, временным жильцам приходилось лежать на лавках и ждать, пока вытягивается дым через отверстие в центре потолка, так как дым заполнял пространство комнаты на высоте от метра и выше. После этого там становилось тепло, «как в бане». Пространство под полами использовалось для хранения вещей и, вероятно, продуктов, потому что там, на земле, было прохладно, «как в подвале» [Messerschmidt, 1964. S. 99]. Здесь же Д.Г. Мессершмидтом были описаны своеобразные «будки» для собак. Они представляли собой ящики длиной около 4 м (2 сажени), шириной около 1 м (0,5 сажени) и высотой около 0,7 м (1 аршин). Такие конструкции сооружались рядом с зимовьем и защищали собак от непогоды.

В сильные холода рядом с ними разводили костры, но это не всегда спасало животных в стужу.

Еще одним упоминаемым Д.Г. Мессершмидтом архитектурным объектом, в котором проживали только казаки и служилые, являлась курная изба [Ibid. S. 144]. Жилища с печами «по-черному» были очень распространены в Сибири во времена экспедиции Д.Г. Мессершмидта, в том числе в состоятельных домохозяйствах [Майничева, 1999]. Их количество в различных поселениях могло варьироваться от трех, как, например, в Троицкой заимке на р. Хатанге, до 20–30, как на Киренском погосте. Об особенностях конструкции и убранстве Д.Г. Мессершмидт упоминает еще раз в связи с остановкой в д. Тутуре в доме священника. Здесь, как пишет путешественник, в «прекрасной горнице» были узкие окна «на русский манер», диагональю около 60 см (2 фута), которые располагались примерно на уровне пояса, так что требовалось наклоняться, чтобы в них заглянуть. Наличие у ленских крестьян подобных окон описал в начале XIX в. Ф. Шперк, предположив, что они могли играть роль вентиляционных отверстий [Шперк, 1870. С. 160]. Однако чаще всего волоковые отверстия располагались выше и ближе к самой печи, чем описал Д.Г. Мессершмидт. Одна из версий об их функциональном назначении состоит в том, что через них в помещение мог проникать солнечный свет в определенное время суток, что позволяет предположить их назначение в качестве своеобразных часов или календаря [Майничева, 1999].

Внешний вид и состояние печи являлись признаком состоятельности и обустроенности жилища. Исходя из этого, вполне комфортной могла быть жизнь православных священников на р. Лене в 20-е гг. XVIII в. Они могли позволить себе украсить печь изразцами, как в доме одного из них, у которого Д.Г. Мессершмидт побывал в гостях [Messerschmidt, 1964. S. 173]. Большая квадратная печь была украшена разноцветными глазурованными изящными плитками зеленого, желтого, голубого цвета. Сложно по этому короткому замечанию сказать что-либо определенное об их происхождении, однако подобное сочетание цветов было характерно для традиции создания печных изразцов Великого Устюга [Баранова, 2021. С. 112–113]. Создать печь в Тутуре мог как мастер – выходец с русского Севера, каковых было много среди переселенцев [Воробьева и др., 1980. С. 98], но также и местный мастер, используя привезенные изразцы. В начале XVIII в. такая мобильность декоративного материала была вполне привычным явлением [Баранова, 2007. С. 64–78].

Среди «рухляди столовой», которую использовали русские Лены, Ангары и прилегающих территорий, исследователи упоминают

глиняную посуду (горшки) и металлическую (котлы). Если глина была не подходящего качества, керамические изделия русские жители привозили из соседних районов [Миллер, 2009. С. 192]. Вероятно, Г.Ф. Миллер описывает крестьянскую кухонную утварь. Во всяком случае, несколько десятилетий спустя И.Г. Георги говорит о том, что деревянная и глиняная посуда была свойственна именно «крестьянскому быту» [Георги, 1799. С. 137]. Г.Ф. Миллер также указывал, что русские могли пользоваться не только глиняной, железной и медной, но и серебряной посудой. При этом он ссылается на находки таковой у юраков, которые могли грабить «вмерзшие в реки» русские речные суда [Миллер, 2009. С. 192]. Сегодня исследователями установлено, что у аборигенного населения Сибири в Средневековье действительно существовал устойчивый интерес к серебряной и бронзовой посуде, которая использовалась в религиозных культах. Она могла поставляться из Бактрии, Парфии, Ирана, Согда, Волжской Булгарии, Хазарии, при этом проходя транзитом через районы Западной Сибири [Борисенко, Худяков, 2005. С. 38]. Но все же факт знакомства аборигенного населения с металлом через пришедших сюда русских Г.Ф. Миллер считает достоверным (по этой причине многие железные орудия труда, например кирка, у них имеют русские названия) [Миллер, 2009. С. 196].

Несмотря на то что, как было сказано выше, архитектура является одним из культурных маркеров, тем не менее Г.Ф. Миллер отмечал случаи, когда сибирское население «в зимнее время живут в домах, которые они строят себе по примеру и образцу русских» [Там же. С. 177].

Русские и инородцы при мирном сосуществовании обоюдно заимствовали и другие практические знания и навыки, например охотничьи приемы. Однако материалы иностранных участников академических экспедиций подтверждают, что в XVIII в. взаимодействие не всегда было дружественным.

Уже к XVIII в. действия московской администрации по приведению к подчинению инородческого населения были достаточно вариативны: сотрудничество с теми, чьи князцы соглашались принять подданство, и принуждение военной силой тех, кто оказывал сопротивление [Ахметова, Наследов, 2013. С. 12]. Учитывая потери среди аборигенного населения в результате военных столкновений с русскими, исследователи пришли к выводу, что государство было заинтересовано в том, чтобы русская администрация обращалась с ними «ласково» [Там же. С. 13]. Тем не менее в большинстве привлеченных нами материалах отмечаются факты взимания ясака, не всегда

добровольного, и в качестве принуждения – захват аманатов [Мессершмидт, 2018. С. 26, 36]. Но если у Д.Г. Мессершмидта это скорее краткие констатации фактов захвата заложников, то, например, у И.Э. Фишера такие факты приведены с описанием обстоятельств захвата заложников, непосредственно самих столкновений. Он указывает на то, что аманатами чаще всего становились либо родственники княззя, либо женщины. Последние, хотя и были «отягощением» для казаков, но становились ценным предметом торга с местными [Фишер, 1774. С. 531]. Поскольку численность казачьих отрядов в Сибири была немногочисленна, то в помощь «утесненным острогам» собирались «до 200 человек промышленных» [Там же. С. 535]. Ситуация оставалась прежней и в последней трети XVIII столетия. Однако описывается она уже с совсем другими акцентами. Так, И.Г. Георги упоминает русских служилых не в связи с их походами в отдаленные районы на исполнение указа Ее Величества, а описывая во всех подробностях их мундир и его отличия от мундира различных родов войск европейской части России [Георги, 1799. С. 123]. Таким образом, они подтверждают, что участие в походах за ясаком и против строптивых инородцев можно рассматривать в качестве временного занятия русских поселенцев на территории Иркутской губернии в 30-е – 40-е гг. XVIII. Анализируемые материалы показывают, как менялся фокус внимания к этой группе русского населения в ленско-ангарском междуречье от общего к частному в разных его проявлениях.

Основными хозяйственными занятиями русских были охота, рыбная ловля и земледелие. Этому способствовали не только ресурсы региона, но и перебои со снабжением русских привычными товарами, а для казаков и служилых людей еще и задержка выплат жалования, в результате чего они вынуждены были искать дополнительный источник проживания [Зуев, 2014. С. 62]. Судя по материалам участников академических экспедиций, русское и аборигенное население перенимали друг у друга хозяйственный опыт. Наличие плодородных земель подталкивало тунгусов по примеру русского населения использовать их под пашни. В свою очередь, русские воспринимали некоторые охотничьи или транспортировочные приемы аборигенов.

Главным промысловым зверем был соболь. Но кроме него добычей охотников становились волки, медведи, росوماхи, рыси, лисы, горностаи, зайцы, лоси, изюбры, олени, белки. Охота была очень выгодным делом. По сведению Д.Г. Мессершмидта, она приносила в 3–4 больше доход, чем, например, земледелие. За сезон охотник мог добыть более 100 зверей [Messerschmidt, 1964. S. 125]. А Г.Ф. Миллер писал, что русские охотники, живущие вдоль р. Лены, ставят до 2000 лову-

шек только на белок и ежедневно могут добывать до 50 штук [Миллер, 2009. С. 322]. Изобилие пушнины создавало возможности для ее бесконтрольной добычи. Так, в районе р. Антипиha по личному заказу воеводы нещадно выбивались соболя [Messerschmidt, 1964. S. 85]. На «ловлю в леса... выходят целыми толпами, и проводят на оной по несколько недель, удаляясь от жилищ своих на многия сотни верст» [Георги, 1799. С. 170].

Одним из видов охоты были капканы или ловушки, которые русские называли «пасть». Такой вид самолова на территории Среднего Приангарья продолжает существовать и в настоящее время и имеет схожую конструкцию: состоящий из длинных жердей коридор (Д.Г. Мессершмидт называл его «нора»), гнет и настораживающий механизм. «Пасть» относится к типу стационарных ловушек, действует по принципу мышеловки и относится к пассивному виду охоты на мелкую и среднюю дичь [Борейко, 2023. С. 45]. Такой способ добычи зверя имеет ряд преимуществ, благодаря чему охотно применяется промысловиками и сегодня. Он достаточно безопасен, так как сводит к минимуму непосредственный контакт с диким зверем, и не требует много времени (только на установку и проверку ловушки). К тому же длительное пребывание в тайге отягощалось еще одним, на первый взгляд не таким уж очевидным, аргументом – наличием большого количества гнуса. От него страдали не только люди, но и собаки, идущие с людьми. Д.Г. Мессершмидтом описан случай, когда сопровождающие его мужчины были вынуждены на время оставить группу и вернуться за собакой, которую гнус настолько одолел, что она лежала «на берегу реки полностью обессиленная, скулившая, недвижущаяся и не испытывающая радости, потому что москиты... ее источили, и еще тысячи сидели над глазами, и они ее бы, без сомнения, убили, если бы мои люди не нашли ее вовремя» [Чивтаев, 2021. С. 103]. Так что возможность просто установить ловушку, а потом ее проверить должна была облегчать жизнь охотникам и их собакам. Можно предположить, что все эти преимущества были известны и в XVIII в.

Еще одним охотничьим приспособлением были рогатины, которые русские промысловики переняли у самоедов. Их использовали при охоте на оленей, «когда они весной и осенью переплывают через реки» [Миллер, 2009. С. 311]. Г.Ф. Миллер описывает их как разновидность копы с обоюдоострым лезвием длиной около 17 см и шириной около 6 см и длиной древка около 4 м. Русские используют его так же, как и самоеды, при охоте на оленей. А несколько модифицированную его версию с более толстым и коротким древком и более длинным острием – при охоте на медведя [Там же. С. 311].

Для хищников поменьше вроде волка, лисицы, росوماхи русские охотники XVIII в. использовали разные виды ядов – «целибуху», рвотный орех, который отваривали в молоке и набивали им кишки; «сулему» – ртутный продукт в виде кристаллов, который чаще использовали в южных районах Иркутской провинции.

Г.Ф. Миллером описаны также так называемые «плашки» – колоды из свежего, вязкого дерева для охоты на белок. Фрагмент дерева расщеплялся вдоль от одного конца почти до другого, устанавливалась распорка, а внутрь помещалось лакомство. Зверек спускался за приманкой, распорка смещалась и вследствие своей естественной упругости дерево смыкалось [Там же. С. 322]. Кроме того, соболей, горностаев, белок били томарами, а также добывали при помощи черканов и кулемы (кулёмки). Подобные приспособления использовались еще как минимум в середине XX в. и по-прежнему являлись достаточно прибыльным охотничьим средством [Семенов, 1957. С. 1]. На мелких зверей и птиц устанавливали «слопцы» – самолыч из небольшого бревна с насторожкой, которая, падая, придавливала добычу. При охоте на тетеревов, куропаток и других птиц в качестве приманки клали красные ягоды – бруснику, калину, шиповник. Как пишет Г. Ф. Миллер, слопцы могли ставить и на медведей, но делали их соответствующего размера [Миллер, 2009. С. 322]. Пернатую дичь ловили также на «перевесы» – птичьи сети, часто изготавливавшиеся из крапивы или конопли.

Русские жители ленских берегов занимались рыбной ловлей. Одним из средств рыбалки была острога в виде небольшого по размеру гарпуна. В ночное время, когда рыба спит на мелководье, «с помощью яркого огня лучины, пристроенной к передней части их маленьких челнов на железной вилке, колют и выбрасывают ее из воды» [Миллер, 2009. С. 334]. Этот способ рыбной ловли называли «лучить», т.е. «светить», рыбу. В соседних районах русские выуживали крупную рыбу при помощи колоды. С одной стороны бечевки привязывался крючок без какой-либо наживки. Другой конец крепился к колоде. Если клевала крупная рыба, типа тайменя или щуки, то, чтобы избежать переворачивания лодки, колоду бросали в воду и ждали, пока рыба устанет. После этого к ней подходили на лодке и без опасения доставали улов [Там же. С. 335]. Возможно, ангарские и ленские жители использовали такой нехитрый прием. Г.Ф. Миллер приводит целый ряд различных видов лодок, которыми пользовались русские – щеники, коловинки, каюки, шитики, лотки. Некоторые, например «коломенки», использовались только на производствах и представляли собой скорее речные суда, предназначавшиеся для перевозки

груза. По замечанию И.Г. Георги, они могли перевозить до 500 кг единовременно. Он упоминает также о «полуколоменках», однако указывает, что они были малоупотребительны [Georgi, 1775. S. 622–623]. Д.Г. Мессершмидт использовал в перемещениях по воде «дощаники» [Мессершмидт, 2018. С. 37].

Однако, как активный пушной промысел сокращал количество дичи, рыбный промысел, по мнению Д.Г. Мессершмидта, мог негативно сказаться на запасах рыбы. Им был описан случай, когда в Осиповой пашне (современное с. Оськино – см. [Чивтаев, 2008. С. 140]) заготовленная в прошлом году рыба была утилизирована – «выкинута в навоз» [Messerschmidt, 1964. S. 125]. Вместе с тем он сообщает, что рыбный промысел помогал выживать и был одной из причин переселения сюда русских [Ibid. S. 173]. Кроме уже упомянутых у Г.Ф. Миллера разновидностей рыб русские занимались добычей налимов, угрей, хариусов, вальков. Для этого они использовали лодки, которые, однако, были «тяжелы для некоторых притоков основных рек». Так, например, приток р. Нижняя Тунгуски речка Суринда, будучи богатой рыбой, была непроходима для русских лодок, в то время как тунгусы на более легких берестяных лодках ходили по ней беспрепятственно [Messerschmidt, 1964. S. 134].

Кроме добычи рыбы в реках, организовывались санные обозы на Байкал за рыбой. Промысловые люди размещались на 4–5 санях и выезжали на промысел. Возможно, русские добывали не только рыбу, но и занимались звероловным промыслом – добывали нерпу, так как о ее наличии, безусловно, было известно [Messerschmidt, 1964. S. 177], но у Д.Г. Мессершмидта нет достоверных сведений об этом. Спустя почти полвека об этом занятии упоминает Петер Симон Паллас. Добыча нерпы являлась откупным промыслом. Для этого нанимались работники, которых откупщик обеспечивал необходимым оборудованием, а взамен получал шкуру и сало тюленя. Добытчики растягивали над санями белый парус, который, как пишет П.С. Паллас, тюлени могли принимать за льдину, что позволяло подойти к ним на расстояние выстрела [Паллас, 1788. С. 137]. Наилучшим временем для добычи нерпы был апрель. В это время тюлени выходят на солнце и становятся уязвимыми перед охотниками. Занятие, видимо, было прибыльным, так как исследователь пишет о «множестве народу», который готовился выходить на промысел и которого он встретил в одном из зимовий [Там же. С. 137]. В XVIII в. на Байкале добывалось порядка двух тысяч тюленей в год [Байкал..., 2008. С. 435], однако какая доля приходилась на русских добытчиков, ответить затруднительно.

Традиционно русским занятием в междуречье Лены, Ангары, Нижней Тунгуски в первой половине XVIII в. было земледелие. Главной культурой были зерновые – рожь, яровая пшеница, ячмень, полба, овес, просо, но также выращивали овощи – свеклу, капусту, морковь. И.Г. Георги отмечает «тучность» сибирской земли, в том числе «около Иркутска». Она не требовала дополнительного удобрения, «а токмо после засеваания оной от пять до десяти лет, роздыху года на три» [Георги, 1799. С. 165]. Также он упоминает, что в Иркутской губернии (одной из немногих в России) сеяли хмель [Там же. С. 167]. Землей распоряжались монастыри, а также крестьяне, которые за возможность свободно сеять должны были выплачивать годовую пошлину казне [Messerschmidt, 1964. S. 125]. На монастырских пашнях кроме крестьян, непосредственно обрабатывавших землю, проживал монах для инспектирования процесса, который сменялся каждые два года [Ibid. S. 127]. Позже, во второй половине XVIII в., большую часть крестьян начинают составлять государственные крестьяне [Кабузан, Троицкий, 1966. С. 39].

Земледелие, в отличие от рыболовства и тем более пушного промысла, не было особенно прибыльным делом. Не последнюю роль в этом играли погодные условия, из-за которых поля часто были полны пустоколосицы. Так, на Троицкой заимке ежегодно урожай составлял всего около 400 кг (правда, Д.Г. Мессершмидт не указывает, с какой посевной площади), овощи вызревали очень плохо, так что не всегда отправлялись в монастырские закрома, а использовались жителями заимок. Таким образом, кроме неспелых овощей, крестьянин получал в год 20 пудов муки, что было крайне мало. Это, по мнению Д.Г. Мессершмидта, заставляло их или голодать, или воровать [Ibid. S. 127]. Однако по каким-то причинам русские крестьяне не всегда использовали предоставляемые природой ресурсы. Так, в Петровой заимке, располагавшейся между деревней Тутурой и Верхоленском, информатор Д.Г. Мессершмидта не смог предоставить сведений о каких-либо промыслах, так как «они были земледельцами и никогда не занимались промыслом и дикими животными» [Ibid. S. 173]. Непростые условия возделывания земли наряду с альтернативным доходом от пушного, рыбного промысла способствовали тому, что земледелие развивалось недостаточно интенсивно, и восточные районы Сибири довольно долго нуждались в поставках зерна и других привычных товаров из центральной России [Люцидарская, 2014. С. 89].

Представители русской этнической группы также держали скот – овец и коров. Д.Г. Мессершмидт упоминает об этом лишь раз в связи с добычей соли и использованием соляных шлаков в корм домаш-

них животным. На его авторитетный взгляд медика, это должно было предохранить их от кишечных паразитов [Messerschmidt, 1964. S. 163]. Так же жир жвачных животных использовался для освещения помещений, пропитывая сосновую лучину. Но он был дефицитным продуктом, так как из-за скудости пастбищ скот был недостаточно тучен и маложирен [Ibid. S. 162].

Г.Ф. Миллером упоминаются некоторые животноводческие приемы, которые в Сибири применялись русскими. Например, методы проверки коров на беременность или сохранения молока у коровы после отела [Миллер, 2009. С. 215]. Надо заметить, что, возможно, это действительно могло представлять проблему. У русских сибиряков даже считалось плохой приметой, если корова приносила двух телят. Вероятно, из-за того, что их сложнее выкормить, а хозяину животного не доставалось или доставалось слишком мало молока. При выгоне на пастбище коровам привязывались на шею железные или медные колокольчики, которые они продавали и местному сибирскому населению [Там же. С. 224].

Частым эпизодом в путевых заметках Д.Г. Мессершмидта было указание на гостеприимство русских. В подавляющем большинстве мест, где исследователь останавливался по пути из Мангазеи в Иркутск, его встречали очень доброжелательно, хлебосольно как в прямом, так и в переносном смысле. Промысловики, крестьяне, хозяева жилья на постое, священники приносили или передавали ему приветственные хлеб, кренделя, шаньги, рыбные пироги, масло, курицу, яйца, баранину, глухарей, бруснику, свеклу, молоко, чай, пиво, табак и даже песцов и росомых. Как говорится, чем богаты, тем и рады. Зачастую в ответ на гостеприимство Д.Г. Мессершмидт предлагал пиво или водку, от которых дарители никогда не отказывались.

Русские обычаи гостеприимства в Сибири подразумевали, что гость может оставаться подолгу, приходить «навеселе» даже в непраздничные дни [Messerschmidt, 1964. С. 188]. В праздники же жизнь в поселках практически останавливалась. Разрешить какую-либо внезапно возникшую проблему – переправа, сбор информации, хозяйственные вопросы – было невозможно, все варили пиво. Надо сказать, что по указу Петра I в 1714 г. в Сибири действительно было разрешено делать алкогольные напитки не только на официальных винокурнях, но и «людям всех званий... с объявлением об этом начальству» [Зиновьев, 2008. С. 14]. Перед началом Великого поста «каждый из всех сил старается напиться водки и пива везде, где только можно их встретить, и по этой причине кажется, что весь город встревожен и все, мужчины и женщины, буйствуют, и люди ме-

чутся, ездят от одного дома к другому, чтобы начисто вылизать все пивные емкости. Первый день после масленицы (*Maslitzen*), или недели пьянства, в который все русские обычно отсыпаются от сильного опьянения и не выходят из дома, а потому ничего нельзя было предпринять» [Messerschmidt, 1964. С. 208–209].

«Питейный» сюжет встречается и позже, в том числе в работах участников Великой Северной экспедиции и экспедиции П.С. Палласа. И.Г. Георги, описывая отношения русских к алкоголю, писал, что с гостями они «любят подпить изрядно... надлежащая пристойность к женскому полу не бывает забыта, как бы ни шумна была компания от горячих напитков. Подпившие же не только не сварливы или обидчивы, но напротив тем паче благоприветливы, дружелюбны, гостеприимны, вежливы бывают, рассказывают про отсутствующих скорее хорошее, нежели худое... Всякий не оставляет охмелевшего с лишком, но охотно провожает его, поддерживает, охраняет от падения и сбережет ему [при]надлежащее в целости» [Георги, 1799. С. 181]. Одной из причин, почему европейцы обращали на эту склонность русского человека внимание, это умеренное потребление алкоголя самими иностранцами в силу религиозных ограничений, на которые, кстати, можно было сослаться при любом приглашении выпить горячительных напитков. Русское население Сибири действительно предпочитало пиво и водку другим видам алкогольных напитков, причем последняя была в приоритете [Элерт, 2007. С. 107].

Водку использовали не только как увеселительное и горячительное, но и как лечебное средство, которое предпочитали другим лекарственным препаратам – лечебным травам или пилюлям. Кроме того, бытовало представление о том, что целебными свойствами обладал и сибирский воздух, например, при лихорадке. Г.Ф. Миллер, ссылаясь на сведения жителей Енисейска, приводит случаи излечения от этого заболевания в достаточно короткий срок при переезде в более северные районы к р. Нижней Тунгуске [Миллер, 1941. С. 87]. Кроме лихорадки, распространенным заболеванием исследователи называют оспу, которую русские завезли с собой Сибирь и переносили легче, чем аборигены. Иногда, вероятно, достаточно было регулярно промывать тело чистой водой, как сообщает И.Г. Георги [Георги, 1799. С. 184].

Выводы

Путевые описания участников академических экспедиций XVIII в. в восточную Сибирь на протяжении рассматриваемых пятидесяти

с небольшим лет меняли свой характер. Записи Д.Г. Мессершмидта можно охарактеризовать как описательные с большей и меньшей степенью детализации. Они представляют собой непосредственное описание переживаемых им самим событий и демонстрируют их прямую или опосредованную связь с бытовыми привычками, навыками русского населения Иркутской губернии середины 20-х гг. XVIII в. Содержащуюся в них информацию о русских, проживавших в бассейнах рек Ангара, Лена, Нижняя Тунгуска, и их культуре тематически можно разделить на несколько блоков: хозяйственные занятия, архитектурные особенности, праздники, поведенческие характеристики.

Материалы Г.Ф. Миллера и его коллег по экспедиции носят иной характер. Несмотря на то что Г.Ф. Миллером был предложен принципиально новый подход к изучению народов, тем не менее, что касается русской диаспоры отдаленных сибирских территорий, участники отряда Г.Ф. Миллера акцентировали свое внимание скорее на архивных, статистических данных, нежели на повседневных особенностях, что далеко от его этнографической программы [Элерт, 1999. С. 181–226]. Расспросные неофициальные и анкетные официальные данные делают его повествование более сдержанным, но вместе с тем более информативным. Это может объясняться поставленной задачей – «собрать путем архивных разысканий, анкетирования уездных канцелярий и опросов местных жителей максимально полные данные по географии, истории, экономике, сословном составе, численности и расселении русского населения, его повинностях» [Элерт, 2019. С. 248].

В работах П.С. Палласа и И.Г. Георги акценты расставлены иначе. Более пристальное внимание уделяется частным вопросам, что выражается в детализации описаний отдельных частных элементов культуры русских конца XVIII в. в Иркутской губернии, например описании военной формы русских казаков, характеристике речного транспорта, тюленьего промысла.

Таким образом, по сведениям, собранным в ходе академических экспедиций XVIII в., жизнь русского населения Иркутской губернии представляется следующим образом. Его плотность в междуречье Нижней Тунгуски, Ангара, Лены была крайне невысокой. Однако она постепенно росла, в том числе за счет ссыльных, и к 80-м гг. XVIII в. русские составляли около 38 % [Кабузан, Троицкий, 1966. С. 39]. Природные и климатические условия определяли род их хозяйственной деятельности. Он мог быть как комплексным – например, земледелие и сезонный промысел, так и носить определенный характер – только земледелие. Расселяясь вдоль бассейнов больших и малых рек,

русские приносили с собой традиции своих родных мест, создавая привычное для себя символическое пространство, что должно было помочь переселенцам адаптироваться в непростых предлагаемых обстоятельствах. Но они также воспринимали опыт местного населения в некоторых хозяйственных сферах. Некоторые традиции в измененном виде сохранились до настоящего времени, что позволяет проследить их развитие в ретроспективе.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.09.2024

Список литературы

Александров В.А. Русское население Сибири XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1964. 303 с.

Байкал: природа и люди. Улан-Удэ: Изд. дом «Экос», 2008. 600 с.

Баранова С.И. Миграция московских изразцов // Коломенское. Материалы и исследования. М., 2007. Вып. 9. С. 64–78.

Баранова С.И. Сибирский изразец XVIII века: одно наблюдение // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Сургут, 2021. Т. 2. С. 110–114.

Белковец Л.П. Герард Фридрих Миллер. Долгий путь в историю. М.: Проспект, 2023. 231 с.

Борейко Д.В. Самолеты русских старожилов Среднего Приангарья // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. Братск: Изд-во Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары, 2023. С. 45–50.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: НГУ, 2005. 270 с.

Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография и топонимия Алтая. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 122 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 4. СПб.: Типография при Императорской акад. наук, 1799. 317 с.

Дамбуев И.А. Антропонимы Иркутской области и история русского заселения Восточной Сибири // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2013. № 5 (76). Гуманит. науки. С. 246–249.

Зиновьев В.П. Традиции сибирского винокурения в XVIII–XIX вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2008. № 1 (2). С. 13–23.

Зуев А.С. Русские на крайнем северо-востоке Сибири в XVII – начале XX века: динамика, направления и результаты этнокультурной адаптации в иноэтничной среде // Сибирь и русский Север. Проблемы миграций и этнокультурный взаимодействия (XVII – начало XXI века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 55–87.

Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Сов. этнография. 1966. № 3. С. 23–47.

Кротов П.А. Россия Петра I: обретение великодержавности // Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 30–48.

Люцидарская А.А. Связи населения Сибири с европейской частью России (XVII – начало XVIII века) // Сибирь и русский Север. Проблемы миграций и этнокультурный взаимодействия (XVII – начало XXI века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 88–97.

Майничева А.Ю. Печи сибиряков-старожилов Верхнего Приобья: конструктивные особенности и семантика. URL: <https://zaimka.ru/mainicheva-ovens/?ysclid=lsh3s2vgws612071804>. 1999. (дата обращения 04.04.2024).

Майничева А.Ю. Архитектура Сибири: символическое освоение пространства русскими // Баландинские чтения. 2018. Т. 13. С. 462–465.

Мессершмидт Д.Г. Дневники от Мангазеи до Иркутска. 1723. Иркутск: На Чехова, 2018. 266 с.

Миллер Г.Ф. История. Сибири. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 637 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники ист. мысли, 2009. 453 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III. СПб.: Императорская акад. наук, 1788. 624 с.

Семенов Б.Т. Промысел белки самоловами. М.: Изд-во Центросоюза, 1957. 21 с.

Фишер И.Э. Сибирская история от самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., Типография при Имп. акад. наук, 1774. 631 с.

Хартанович М.В. Принципы собирания этнографических коллекций для Кунсткамеры Императорской академии наук: от сибирской

экспедиции Д.Г. Мессершмидта (1719–1727) до Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 5: Археология и этнография. С. 36–49.

Чивтаев Ю.И. Топонимы Нижней Тунгуски в дневнике Д.Г. Мессершмидта как источник научной информации // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719 – 1727). СПб.: Реноме, 2021. С. 214–226.

Шипилов И.А. Академические экспедиции XVIII века в Сибирь как фактор модернизации Российской империи // Ист. курьер. 2021. № 5 (19). С. 127–139.

Шперк Ф. Верховенский округ Иркутской губернии // Медико-топографический сб. СПб., 1870. Т. 1. С. 158–160.

Щербакова Л.В. Культура повседневности: материальная культура // Вестн. АГТУ. 2013. № 1 (55). С. 92–96.

Элерт А.Х. Русские сибиряки XVIII века и алкоголь // Наука из первых рук. Т. 18. № 6. С. 102–117.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 239 с.

Элерт А.Х. Описание Мангазейского уезда Г. Ф. Миллера (1735) // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. Археология и источниковедение Сибири. Вып. 38. 376 с.

Georgi I.G. Bemerkungen einer Reise im Rußischen Reich. SPb.: Kaiserliche Academie der Wissenmschaften, 1775. 506 S.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. Teil 2. Tagebuchauszeichnungen Januar 1723 – Mai 1724. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. 285 S.

References

Alexandrov V.A. The Russian population of Siberia of the XVII – XVIII centuries. Moscow, Nauka, 1964. 303 p. (In Russ.)

Alexandrov V.A. Russkoe naselenie Sibiri XVII – XVIII v. M.: izd-vo «Nauka», 1964. 303 s.

Baikal: nature and people. Ulan-Ude: ed. house «Ekos», 2008. 600 p.

Baranova S.I. Migration of Moscow tiles // Kolomenskoye. Materials and research. M., 2007. Issue 9. pp. 64–78. (In Russ.)

Baranova S.I. Siberian tile of the XVIII century: one observation // Culture of Russians in archaeological research. Omsk-Surgut, 2021. Vol. 2. pp. 110–114. (In Russ.)

Belkovets L.P. Gerard Friedrich Miller. A long way into history. Moscow: Prospekt Publishing House, 2023. 231 p. (In Russ.)

Boreyko D.V. Samolovs of Russian old-timers of the Middle Angara region // Museums in the cultural space of young industrial cities. Bratsk: Publishing house of the Bratsk City United Museum of the History of the development of Angara, 2023. pp. 45–50. (In Russ.)

Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. The study of the antiquities of Southern Siberia by German scientists of the XVIII – XIX centuries. Novosibirsk, 2005. 270 p. (In Russ.)

Chivtaev Yu.I. Toponyms of Lower Tunguska in D.G. Messerschmidt's diary as a source of scientific information // To the 300th anniversary of the beginning of Daniel Gottlieb Messerschmidt's expedition to Siberia (1719–1727). St. Petersburg: Publishing house «Renome», 2021. pp.214–226. (In Russ.)

Dambuyev I.A. Anthroponyms of the Irkutsk region and the history of Russian settlement in Eastern Siberia // Bulletin of the Ir.GTU. № 5 (76). 2013. Humanities. pp. 246–249. (In Russ.)

Elert A.H. Russian Siberians of the XVIII century and alcohol // Science from the first hand. Vol. 18. No. 6. pp. 102–117. (In Russ.)

Elert A.H. Peoples of Siberia in the works of G.F. Miller. Novosibirsk, publishing house of IAET SB RAS, 1999. 239 p. (In Russ.)

Elert A.H. Description of the Mangazeysky district by G. F. Miller (1735) // Sources on the history of Russia: problems of public thought and culture. Novosibirsk, 2019. Archeography and source studies of Siberia. Issue 38. 376 p. (In Russ.)

Fisher I.E. Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons. St. Petersburg, at Imp. Academy of Sciences, 1774. 631 p. (In Russ.)

Georgi I.G. Bemerkungen einer Reise im Rußischen Reich. SPb., Kaiserliche Academie der Wissenschaften, 1775. 506 S. (In Germ.)

Georgi I.G. Description of all peoples living in the Russian state and their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, religions and other memorabilia. Part 4. St. Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences, 1799. 317 p. (In Russ.)

Kabuzan V.M., Troitskiy S.M. New sources on the history of the population of Eastern Siberia in the second half of the XVIII century. // Soviet Ethnography. 1966. No. 3. pp. 23–47. (In Russ.)

Khartanovich M.V. Principles of collecting ethnographic collections for the Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences: from the Siberian expedition of D.G. Messerschmidt (1719–1727) to the Second Kamchatka

Expedition (1733–1743) // Bulletin of the NSU. Series: History, philology. 2019. Vol. 18, No. 5: Archeology and Ethnography. pp. 36–49. (In Russ.)

Krotov P.A. Russia of Peter the Great: the acquisition of Greatness // Bulletin of MGIMO University. 2021. 14(6). pp. 30–48. (In Russ.)

Lutsidarskaya A.A. Connections of the Siberian population with the European part of Russia (XVII – early XVIII century) // Siberia and the Russian North. Problems of migration and ethnocultural interactions (XVII – early XXI century). Novosibirsk: Publishing house of IAET SB RAS, 2014. pp. 88–97. (In Russ.)

Mainicheva A.Yu. Furnaces of Sibiryakov-old-timers of the Upper Ob region: design features and semantics // <https://zaimka.ru/mainicheva-ovens/?ysclid=ish3s2vgws612071804>. 1999. accessed 04.04.2024. (In Russ.)

Mainicheva A.Y. Architecture of Siberia: symbolic exploration of space by Russians // Balandinsky readings. 2018. Vol. XIII. pp. 462–465. (In Russ.)

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. Teil 2. Tagebuchauszeichnungen Januar 1723 – Mai 1724. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. 285 S. (In Germ.)

Messerschmidt D.G. Diaries from Mangazeya to Irkutsk. 1723. Irkutsk: On Chekhov, 2018. 266 p. (In Russ.)

Miller G.F. History. Siberia. Vol. 2. M.-L.: publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 637 p. (In Russ.)

Miller G.F. Description of the Siberian peoples. M.: Monuments of historical thought, 2009. 453 p. (In Russ.)

Pallas P.S. A journey through different provinces of the Russian state. Part III. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1788. 624 p. (In Russ.)

Semenov B.T. Fishing for squirrels by samolov. M.: publishing house of the Centosoyuz, 1957. 21 p. (In Russ.)

Shipilov I.A. Academic expeditions of the XVIII century to Siberia as a factor of modernization of the Russian Empire // Historical courier. 2021. No. 5 (19). pp. 127–139. (In Russ.)

Shperk F. Verkholsky district of Irkutsk province // Medico-topographical collection. St. Petersburg, 1870. T. I. S. 158–160. (In Russ.)

Shcherbakova L.V. Culture of everyday life: material culture // Bulletin of the ASTU. 2013. No. 1 (55). pp. 92–96. (In Russ.)

Vorobyova I.A., Maloletko A.M., Rosen M.F. Historical cartography and toponymy of Altai. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1980. 122 p. (In Russ.)

Zinoviev V.P. Traditions of Siberian distilling in the XVIII – XIX centuries. // Bulletin of Tomsk State University. History. 2008. No. 1 (2). pp. 13–23. (In Russ.)

Zuev A.S. Russian Russians in the extreme Northeast of Siberia in the XVII – early XX century: dynamics, directions and results of ethnocultural adaptation in a non-ethnic environment // *Siberia and the Russian North. Problems of migration and ethnocultural interactions (XVII – early XXI century)*. Novosibirsk: Publishing house of IAET SB RAS, 2014. pp. 55–87. (In Russ.)

Сведения об авторе

Борисенко Алиса Юльевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, (Проспект Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Alisa Yu. Borisenko, Doctor of History, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Laboratory for humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), aborisenko2@mail.ru

ORCID 0000-0001-9558-5678

Международные отношения цинского Китая после завоевания Синьцзяна: проблема идентификации владения Яливань из «Хуан Цин чжигун ту»

А. М. Пастухов, А. М. Лабарткава

*Новосибирский государственный университет,
Лаборатория гуманитарных исследований*

Аннотация

Статья рассматривает возможную идентификацию и локализацию «владения Яливань», упоминающегося в составе цинского источника второй половины XVIII в. «Хуан Цин чжигун ту» в качестве одного из даннических владений империи Цин. Впервые в отечественной историографии выдвигается и обосновывается гипотеза об отождествлении владения Яливань с Эриванским ханством, существовавшим на территории Закавказья в середине XVIII – начале XIX в. На основании текстового материала цинского источника и изображения жителей владения Яливань в национальных костюмах сделана реконструкция внешнего вида подданных этого ханства армянской национальности. В статье также выдвигаются предположения о возможных путях проникновения армян на территорию империи Цин на основании информации исторических источников о торговле армянских купцов в Индии и Юго-Восточной Азии, а также устанавливается возможное время первого непосредственного контакта между властями империи Цин и представителями армянского купечества из Эриванского ханства. Выявленный материал по ранним армяно-китайским контактам позволяет утверждать, что, несмотря на включение портретов жителей Эриванского ханства в состав такого памятника, как «Хуан Цин чжигун ту» (Изображения данников Августейшей Цин), речь идет не о реальном вассалитете Эриванского ханства от империи Цин, а лишь о периодических торговых контактах между империей Цин и представителями армянского купечества из Эриванского ханства, пользовавшихся поддержкой династии каджарского происхождения, правившей в тот момент в Эривани.

Ключевые слова

владение Яливань, империя Цин, армяне, Эриванское ханство, «Хуан Цин чжигун ту», торговля, Синьцзян, данники, Кашгар, Яркенд, Гуанчжоу.

Благодарности

Исследование проведено в рамках Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Пастухов А. М., Лабарткава А. М. Международные отношения цинского Китая после завоевания Синьцзяна: проблема идентификации владения Яливань из «Хуан Цин чжигун ту» // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. С. 29–55
DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-29-55

International relations of Qing China after conquest of Xinjiang – problem of identifying of Yaliwan-guo from «Huang Qing zhigong tu»

A. M. Pastukhov, A. M. Labartkava

*Novosibirsk State University,
Laboratory of Humanitarian Researches*

Abstract

The article deals with the possible identification and localization of the “Yaliwan state” mentioned in the text of Qing historical source “Huang Qing zhigong tu” dated by the second half of the 18th century among the tributary states of Qing empire. The hypothesis of the identification of the Yaliwan state with the Erevan Khanate, which existed on the territory of Transcaucasia in the middle of the 18th – early 19th centuries is put forward and founded at the first time in Russian historiography. The reconstruction of the appearance of the inhabitants of this khanate of Armenian nationality was made basing on the text of the Qing source and the image of the inhabitants of the Yaliwan state in national costumes. The assumptions about possible ways of penetration of Armenians into the territory of the Qing empire based on information from historical sources about the trade of Armenian merchants in India and Southeast Asia is made in the article, and also the possible time of the first direct contact between the authorities of the Qing empire and representatives of the Armenian merchants from the Erevan Khanate is suggested in the article. The material revealed on early Armenian-Chinese contacts allows to assert that, despite the inclusion of portraits of the inhabitants of the Erevan Khanate in the text of such a source as “Huang Qing zhigong tu” (Portraits of Tributaries of the August Qing), it doesn't evidence the real vassalage of the Erevan Khanate from the Qing Empire, but it only tells about periodic trade contacts between the Qing empire and representatives of the Armenian merchants from the Erevan Khanate, who enjoyed the support of the dynasty of Qajar origin, which ruled in Yerevan at that time.

Keywords

Yaliwan-guo, Qing empire, Armenians, Erevan khanate, “Huang Qing zhigong tu”, trade, Xinjiang, tributary, Kashgar, Yarkend, Guangzhou.

Funding

The reported study was funded by state assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. FSUS-2020-0021.

For citation

Pastukhov A. M., Labartkava A. M. International relations of Qing China after conquest of Xinjiang – problem of identifying of Yaliwan-guo from «Huang Qing zhigong tu» // Universum Humanitarium. 2024. № 1. P. 29–55.
DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-29-55

Введение

В 1750-х гг. в Китае, находившемся под властью маньчжурской династии Цин, по повелению императора Хунли¹ началось создание иллюстрированного свода этнографического характера «Хуан Цин чжигун ту» (皇清職貢圖), призванного зафиксировать внешний облик всех данников Цинской империи – реальных и мнимых².

Приказ зарисовывать прибывающих «данников» поступил всем провинциальным властям в 1751 г. В результате многолетней работы комиссии под руководством государственного канцлера Фухэна (傅恒, 1720–1770) к 1759 г. был создан первоначальный вариант вышеупомянутого свода, содержащий серию весьма интересных для современных исследователей иллюстраций, зафиксировавших внешний облик представителей разных народов, в том числе и тех, которые не могут быть надежно идентифицированы в настоящее время. Между 1763 и 1765 гг. свод получил более или менее завершённую форму, а после прибытия в Джунгарию в 1771 г. калмыков-торгоутов, откочевавших со своих волжских кочевий, был составлен последний, девятый по счёту *цзюань* этого уникального сочинения³.

Среди цветных парных иллюстраций, выполненных рядом лучших живописцев Китая, работавших в смешанной европейско-китай-

¹ Правил под девизом Цяньлун (乾隆) в 1735–1796 гг.

² Синоцентрическое мировоззрение допускало существование «единственной правильной» модели миропорядка – Китай являлся центром Вселенной, а все остальные народы были обязаны подчиняться китайскому императору. Внешне выражение подчинения заключалось в принятии китайского календаря и поднесении дани китайскому императору в соответствии с детально разработанным ритуалом. Поэтому прибытие в Китай представителей любого народа расценивалось как прибытие очередных данников, независимо от того, какое положение занимал этот народ на международной арене.

³ Свод имел несколько вариантов издания – живописный альбом, иллюстрация из которого использована для целей настоящей статьи, живописные свитки кисти цинского художника второй половины XVIII в. Се Суя (謝遂) и ксилографическое издание из девяти *цзюаней*. Последние изображения для свода были созданы после установления отношений с Непалом, произошедшими на рубеже 1790-х гг.

ской манере, имеется одна, озаглавленная как «Варвар из владения Яливань» (亞利晚國夷人).

Поскольку иллюстрация парная, то имеется также и вторая иллюстрация, озаглавленная как «Женщина из варваров владения Яливань» (亞利晚國夷婦). Первая иллюстрация сопровождается лаконичным текстом, сообщающим необходимые, на взгляд составителей свода, сведения об этом «данническом владении»:

亞利晚國在西洋，與回回國相近。天氣溫和，風俗淳厚。夷人戴八角帽，著長衣，采色相間，文如柳條，窄袖束腰，躡革履。夷婦披髮不笄，以青帕蒙首及背，領飾金銀，著長衣，常持盃器，善事女工。

«Владение Я-ли-вань располагается на западе, поблизости от мусульманских владений. Климат теплый и благоприятный (умеренный), обычаи любезные. Варвары мужчины носят на голове шапку о восьми концах, длинные пестрые халаты, узоры [на которых] похожи на ветки ивы, рукава узкие, подпоясываются. На ногах носят кожаную обувь. Женщины этих варваров ходят с распущенными волосами, без шпилек, синим платком покрывают голову и спину, шею украшают золотом и серебром, носят длинное платье, обычно держат в руках рукомойник, искусны в женских рукоделиях».

Помимо «Хуан Цин чжигун ту» изображение человека в характерном головном уборе и пестром полосатом халате встречается и на картине «Мириад владений прибыл ко двору» (萬國來朝圖), созданной в 1761 г.

Искусствоведы давно отметили прямую зависимость этой картины от изображений и текста «Хуан Цин чжигун ту», поэтому данный иконографический источник представляет собой интерес только как осмысление цинскими художниками процесса аудиенции – каждая делегация стоит под значком в виде флага, на котором обозначено название их страны, при этом женщины отсутствуют.

Помимо хорошо узнаваемого персонажа в полосатом халате из «Хуан Цин чжигун ту» около него стоят еще двое в аналогичных головных уборах, но однотонных серых халатах схожего покроя. Один из них держит в руках флаг с надписью «владение Яливань».

В настоящий момент в России предпринимаются попытки каким-то образом ввести в научный оборот этнографические и исторические данные, содержащиеся в «Хуан Цин чжигун ту», однако в статьях специального раздела «Китайский историко-этнографический памятник “Изображения данников правящей династии Цин” (“Хуан Цин чжигун ту”) и его значение в изучении представлений китайцев о других странах и народах в середине XVIII в.», опублико-

Рис. 1. «Варвар из владения Яливань [и] женщина варваров из владения Яливань», парная иллюстрация из живописного альбома «Хуан Цин чжигун ту», конец XVIII в.

ванных во втором томе материалов XXX Международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, посвященного 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930), проходившему в Санкт-Петербурге 19–21 июня 2019 г., отечественные исследователи рассматривают только концептуальные основы данного памятника, а в отношении идентификации владения Яливань М. В. Черевко указывает, что Яливань – это Ява, никак не поясняя своих аргументов в пользу такого отождествления⁴. Далее он упоминает, что «часть упомянутых в «Чжи гун ту» государств в будущем перестали существовать (Яливань)»⁵, не приводя каких-либо подтверждений этому заявлению.

В опубликованных в Казани в 2019 г. статьях Н. А. Сомкиной, посвященной рассмотрению данных цз. 2 и 7 «Хуан Цин чжигун ту» рассматриваются только представители населения Тибета и Синьцзяна⁶, не касаясь интересующего нас владения Я-ли-вань вообще.

⁴ См. Черевко М. В. Характер сведений о народах Юго-Восточной Азии в цинском альбоме «Хуан Цин чжигун ту» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). 19–21 июня 2019 г.: материалы конгресса: в 2 т. СПб.: Студия «НП-Принт», 2019. Т. 2. С. 123.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ См. Сомкина Н. А. «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке, цз. II //

В зарубежной историографии наблюдается несколько большее разнообразие мнений по данному поводу. Так, в современном издании «Хуан Цин чжигун ту» в примечании к этому тексту китайский историк, скрывшийся под псевдонимом Ло Шань (羅山), невразумительно говорит лишь то, что «Яливань – это, возможно, является транскрипцией «я-ли-ань» (т.е. арийцы. –*Авт.*), что является общепринятым названием ряда народов в Западной Азии»⁷.

Голландский историк Ганс Лейх из Лейденского университета отмечает, что «в изданном виде [Хуан Цин чжигун ту] состоит из 9 свитков, первый из которых начинается с корейцев и заканчивается людьми из [владения] Яливань, страны, которую сложно точно идентифицировать»⁸.

В целом, на первый взгляд, положение кажется таким же неопределенным, что и в отечественной историографии. Тем не менее, зарубежными учеными высказывались и вполне обоснованные предположения о том, чем может оказаться владение Яливань.

Американский историк китайского происхождения Си Ян (Xi Yang, University of California) высказал предположение, что Яливань является искаженной транскрипцией слова Arman, что, по его мнению, позволяет определить владение Яливань как Армению, а изображенных на иллюстрациях «Хуан Цин чжигун ту» людей – как армян⁹.

Однако далее в своей статье он указывает на то, что не смог собрать достаточного количества доказательств, чтобы полностью подтвердить национальную принадлежность выходцев из владения Яливань¹⁰. Поэтому он остановился на мнении, что «китайское название Яливань, очень вероятно, относилось к Армении или армянам»¹¹.

В то же самое время несомненное фонетическое сходство названия владения Яливань с названием столицы Армении – городом Ереван – вызвало остроумную догадку у Ульриха Теобальда (Ulrich Theobald,

Современные востоковедческие исследования. Казань, 2019. Т. 1. №4. С. 85–107; Она же. «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») как источник сведений о Тибете в XVIII веке // Россия – Китай: История и культура: Сб. ст. и докл. участников XII Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2019. С. 450–459.

⁷ 注: 亞利晚可能系“雅利安”音譯, 是對西亞一帶若干民族的統稱. См. Ваньго лэйчао: «Чжигун ту» лиды гудай Чжунго юй шицзе. Бэйцзин: Бэйцзин шидай хуавэнь шуцзюй, 2019. С. 132.

⁸ See Leijh H. The Qing and their tributaries Qing perceptions of European and Steppe-peoples. Leiden University, 2019. P. 21.

⁹ See Xi Yang. Some possible Chinese records about Armenia and the Armenians in Mid-Qing Dynasty // Iran and the Caucasus. 2009. Vol. 13. P. 231.

¹⁰ Ibid. P. 232.

¹¹ Ibid. P. 232.

Рис. 2. Представители владения Яливань ожидают аудиенции у императора Цяньлуна в первый день Нового Года вместе с другими данниками. Фрагмент картины «Мириад владений прибыл ко двору», 1761 г., собрание музеев Гутун, Пекин, инв. № 故00006273

Tubingen University)¹² и Джеймса Рассела (James Russel, Harvard University)¹³, что под таинственным владением Яливань следует понимать именно Ереван, однако каких-либо доказательств своего предположения они не высказали, поскольку это не входило в их задачи.

¹² See <http://www.chinaknowledge.de/Literature/Science/huangqingzhigongtu.html> Электронная энциклопедия. Дата обращения 20.12.2024.

¹³ See Xi Yang Some possible Chinese records about Armenia and the Armenians in Mid-Qing Dynasty // Iran and the Caucasus. 2009. Vol. 13. P. 232.

К тому же определенную сложность для исследователей в правильной идентификации Яливань представляет собой его определение не как города или народа, а как владения.

По нашему мнению, высказанные У. Теобальдом, Дж. Расселом и Си Яном точки зрения являются заслуживающими внимания и задают общее направление поиска. Однако для того, чтобы окончательно разобраться с вопросом относительно атрибуции владения Яливань, следует обратиться как к истории, так и этнографии Армении и Ирана – следует не только найти эквивалент этого владения в политической номенклатуре стран мусульманского Востока, но и убедительно продемонстрировать тот факт, что на иллюстрациях изображены именно армяне, а не какой-либо другой азиатский народ.

Указание источника на то, что Яливань является владением (國)¹⁴, а не городом и не является названием народа, дает ключевую подсказку: на момент знакомства китайцев с выходцами из Яливань оно представляло собой некое владение далеко на западе, рядом с мусульманскими странами.

Действительно, в период 1751–1759 гг., когда шла работа над созданием первоначального комплекта иллюстраций и текстов для свода «Хуан Цин чжигун ту», на западе земель, входивших в некогда могущественную державу Сефевидов, возникло Эриванское ханство (1755–1828)¹⁵.

Это полунезависимое владение находилось в Араратской долине к югу, юго-западу и западу от оз. Севан (Гокча) на землях бывшего сефевидского *вилаята*¹⁶ Чухур-Сад. К середине XVIII в. Эриванское ханство представляло собой небольшое феодальное государство, признававшее сюзеренитет персидских шахов из династии Афшаридов, и располагало всеми необходимыми атрибутами феодального владения: собственным правителем (Хасан Али-хан Каджар), носившим ханский титул, столицей с резиденцией правителя (Эривань),

¹⁴ Иероглиф 國 может переводиться как «государство, страна, владение». В данном случае, по нашему мнению, наиболее уместен его перевод как «владение», поскольку полноценным государством, с точки зрения китайцев XVIII века, мог быть только Китай, а понятия «страна» и «государство» не тождественны друг другу – «страна» является более географическим, нежели политическим понятием, в противоположность «государству». При использовании термина «владение» мы обходим данную коллизию и, по нашему мнению, наиболее точно передаем суть данного словосочетания на китайском языке.

¹⁵ В связи с длительным процессом тюркизации населения региона и выселением основной массы армянского населения в начале XVII в. в контексте данной статьи более уместно использовать для наименования ханства не современное название города Ереван, а его тюркоязычный вариант произношения – Эривань или Иреван.

¹⁶ Провинция.

Рис. 3. Карта военных действий в Закавказском крае с 1809 по 1817 год. Воспр. по: Аносов Н. С. «Время Тормасова, Паулучи и Ртищева. 1809–1817 годы». Показано место расположение Эриванского ханства в системе ханств, образовавшихся на развалинах Сефевидского Ирана

знаменем, печатью, правительством (диван), войском и собственной монетой¹⁷. Наличие собственных атрибутов государственной власти позволяет с полным основанием утверждать, что Эривань – это феодалное владение, имевшее определенную степень независимости на международной арене в середине XVIII в. и граничившее с рядом мусульманских государственных образований – Турцией, Ираном и т. д.

Эти сведения о местонахождении Эриванского ханства коррелируют с указанием источника о том, что владение Яливань «располагается на западе, поблизости от мусульманских владений».

Вполне соответствует географическим реалиям Эриванского ханства и следующее утверждение источника: «Климат теплый и благоприятный (умеренный)».

Довольно точно описываются и традиции населения ханства – в «Хуан Цин чжигун ту» упоминается, что у населения владения

¹⁷ См. Гезалов П. Штандарт Гусейн-хана Иреванского и четырехугольное знамя Иреванского ханства // Геральдика. 2011. № 6 (54). С. 28–29.

Яливань «обычай любезные», а женщины «искусны в женских рукоделиях». Вежливое обхождение с гостями и мастерство местных рукодельниц – общее место в европейских описаниях путешествий по Закавказью в XVIII–XIX вв.

К середине XVIII в. эти земли были населены преимущественно тюркоязычным кочевым населением, однако сохранялась и довольно значительное количество нетюркских групп населения – курдов (в основном кочевников) и армян (в основном городских жителей).

С 1604 г. из окрестностей Эривани было выселено большинство армянского населения. Персидский шах Аббас I (1587–1629) стремился усилить обороноспособность этого важного приграничного региона и раздал земли вокруг Эривани представителям различных туркменских племен, обязанным за это нести военную службу. Главой *вилайета* был назначен *беглербег*¹⁸ Амиргюнэ-хан (1604–1628) из кочевого туркменского племени *каджар*. Установление твердой власти в регионе способствовало постепенному возвращению в край армян, выселенных отсюда в ходе войн между Ираном и Турцией.

Начиная с правления Амиргюнэ-хана у власти в Эривани находились выходцы из племени *каджар*, связанные узами кровного родства с Амиргюнэ-ханом. Фактически должность *беглербега* стала в Эривани наследственной.

В начале XVIII в., с ослаблением власти Сефевидов, земли *вилайета* вновь стали ареной вооруженного противоборства Османской империи с Персией. До 1735 г. эта территория была оккупирована турецкими войсками, которые были выбиты оттуда лишь после того, как в Иране утвердился в качестве верховного правителя талантливый военачальник Надир Кули-хан из туркменского племени *афшар*.

После гибели 19 июня 1747 г. Надир-шаха Афшара (1736–1747) Иран вновь оказался ввергнут в состояние войны «всех против всех». В 1755 г. Хасан Али-хан (? – 1759) из клана Зийадлу племени *каджар* захватил власть в Эривани и провозгласил себя ханом. С этого момента Эривань стала центром самостоятельного ханства, управлявшегося представителями династии Каджар и просуществовавшего до самого его включения в состав Российской империи 10 февраля 1828 г. в соответствии с условиями Туркманчайского мирного договора.

В период существования фактически независимого Эриванского ханства¹⁹ армянские купцы, пользовавшиеся покровительством эри-

¹⁸ Букв. «бек над беками» – наместник, подчиняющийся напрямую монарху.

¹⁹ Несмотря на формальное признание сюзеренитета шахов Афшарской династии, эриванские Каджары вели самостоятельную внешнюю политику и вступали

ванских ханов, преследовавших собственные фискальные цели, даже получили возможность расширить ареал своей деятельности.

Известно, что в Новое Время армянские купцы активно торговали в большинстве азиатских стран. В Иране, Афганистане, Индии, странах Юго-Восточной Азии имелись значительные армянские колонии.

Однако при этом армянская торговля с Китаем до XVIII в. практически отсутствовала по ряду причин – в немалой степени этому способствовал тот факт, что между мусульманскими странами Малой Азии, на окраине которых располагалось Эриванское ханство, и Китаем до конца 1750-х годов лежали территории, населенные кочевниками, неподконтрольными цинским императорами.

Монголоязычные ойраты создали на этих землях Джунгарское государство, образно именуемое в отечественной историографии «последней кочевой империей». Сильная Джунгария вела агрессивные войны на всех направлениях, находясь в состоянии перманентного конфликта разной степени интенсивности со всеми своими соседями – казахскими Жузами, Кокандским бекством²⁰, горными владениями Памира²¹, ханством ойратов-хошоутов в Тибете, Россией и своим наиболее опасным, главным противником – империей Цин.

В 1755–1758 гг. цинские войска, воспользовавшись удачно сложившейся внутривосточной ситуацией в Джунгарии, сумели покорить это государство, истребив значительную часть его населения. В течение 1758–1759 гг. Цины покорили также зависевший от Джунгарии Восточный Туркестан, населенный оседлыми и кочевыми тюркоязычными народами – главным образом «мусульманами» (т. е. предками современных уйгуров) и киргизами²².

в различные союзы и коалиции, в том числе с правителями христианского Картли-Кахетинского царства. Такая небывалая для небольшого владения самостоятельность была вызвана серьезными внутривосточными проблемами в самом Иране, где за власть боролись между собой Афшары, Зенды и иранские Каджары.

²⁰ Кокандское бекство являлось очередным объектом завоевательных стремлений джунгарских *хунтайджи* после казахских и киргизских кочевий. С начала 1740-х годов столкновения между джунгарами и кокандцами стали особенно ожесточенными. Противостояние постепенно сошло на нет только к началу 1750-х гг., когда Джунгария вступила в полосу системного кризиса и сама стала объектом агрессивных посягательств со стороны соседей.

²¹ Согласно сочинению муллы Санг Мухаммада «Тарих-и Бадахшан», в 1718–1745 гг. джунгары совершили три похода в Бадахшан. Однако естественно-географические условия Памира слишком сложны для перехода многотысячного отряда войск с большим количеством верховых и вьючных животных. Поэтому сообщение Санг Мухаммада требует дополнительной проверки.

²² Мусульманское оседлое тюркоязычное население Восточного Туркестана именуется в цинских документах как *хуйцзы* (回子), т. е. «мусульмане» или *хуйцзу* (回族), т. е. «мусульманский народ». Сами себя местные жители называли по оазисам,

На вновь завоеванных землях в 1760 г. было создано цинское наместничество Синьцзян, в городах размещены цинские гарнизоны, а администрация сформирована из маньчжурских и китайских сановников, присланных из метрополии, и местных феодалов, поддержавших завоевателей.

Установив свою власть в регионе, Цины предприняли ряд мер для активизации внешней торговли, поскольку остро нуждались в снабжении своих войск всеми необходимыми товарами и продовольствием – подвоз предметов снабжения и провианта из собственно Китая был долог и сложен, и поэтому цинская администрация искала все возможные способы обойтись в этом вопросе местными ресурсами²³.

В частности, в Восточном Туркестане было разрешено торговать купцам из мусульманских владений, которые «покорились» Цинам, формально признав свою зависимость от императора Хунли и направив к его двору свои посольства с подарками, именовавшимися в официальных цинских документах данью.

После того как представители новых «данников» получали аудиенцию у императора, им открывался доступ к рынку Восточного Туркестана.

Многие народы, проживавшие западнее Кокандского бекства, также стремились установить выгодную торговлю с Китаем, но это не всегда удавалось сделать – так, если правитель независимого Ташкентского владения сумел стать «данником» Цинов, то правителям других владений это было сделать затруднительно по целому ряду причин, включая географическую отдаленность их стран от Китая и нестабильную политическую обстановку в странах, лежавших на возможных путях следования их посольств в Китай.

Среднеазиатские «данники» Китая получили уникальную возможность извлечь выгоду из сложившейся ситуации: владея монополией на торговлю с Поднебесной, они за определенную плату включали в состав своих караванов купцов из других владений, выдавая их за своих подданных, а их товары – за свои.

в котором проживали – хотанлыки (из Хотана), кашгарлыки (их Кашгара), яркендлыки (из Яркенда) и т.д. Современное название «уйгур» было принято на съезде в Ташкенте в 1921 г. той группой восточнотуркестанских мусульман, которая переселилась в пределы Российской империи в 1877–1882 гг., и в 1933 г. – населением Восточного Туркестана в ходе восстания против китайских властей в Синьцзяне.

²³ Более подробно о торговле среднеазиатских и казахских купцов с Цинами см. Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М.: Наука, 1973.

Понимая, что не все чисто в приграничной торговле, император Хунли, человек талантливый и не лишенный здорового интереса к окружающему миру, распорядился выяснять, откуда прибывают в Китай те или иные иностранцы, расспрашивать их об их странах, записывать их рассказы и обязательно зарисовывать внешний вид иностранцев, чтобы в будущем приграничным властям было легче принимать решение в той или иной ситуации, связанной с деятельностью иностранных торговцев.

Торговля между Восточным Туркестаном и сопредельными владениями Средней Азии, а также мелкими памирскими и гиндукушскими феодалными государствами (Шутнан, Хунза, Бадахшан и т.д.) возобновилась очень быстро. Караваны прибывали в Яркенд, где их встречали цинские чиновники от Лифаньюань²⁴, производившие опрос приезжих на предмет установления легитимности их участия в торговле. Гарантацией легитимности являлись грамоты от правителей, признавших свой вассалитет (реальный или мнимый) от империи Цин, составлявшиеся по определенной форме. К торговле допускались только те купцы, которые прибывали с такими караванами, и за принадлежность которых к каравану ручался *караван-баши*, являвшийся фактически представителем пославшего его правителя.

Известно, что Китай привлекал интерес армянских купцов еще с XVII в. В 1688 г. в Калькутте было заключено соглашение между английской Ост-Индской компанией и представителем местной армянской общины – уроженцем Джульфы Хаджи Фанус Календером, согласно которому армяне получали право присоединяться в своих коммерческих предприятиях к кораблям Ост-Индской компании и торговать вместе с англичанами в тех местах, куда прибудут корабли компании, включая Китай²⁵. При этом сама Ост-Индская компания получила право на торговлю в Китае (Гуанчжоу, Сямэнь, острова Чжоушань) только в 1676 г.²⁶

Возникает вопрос – как и где был зафиксирован китайскими чиновниками армянский торговец из Эриванского ханства, носивший

²⁴ В русских исторических документах – Палата / Трибунал Внешних Сношений или Монгольский Трибунал. Лифаньюань (理藩院) исполнял роль министерства иностранных дел в Цинском Китае до 1861 г., а также ведал сношениями с вассальными владениями (Кореей, Вьетнамом, Монголией, Тибетом и т.д.).

²⁵ See Seth M. History of the Armenians in India. Calcutta, 1895. P. 48–49.

²⁶ See East India Company Factory Records: Sources from the British Library, London. Режим доступа: http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/east_india_company_factory_records_parts_1_and_2/Publishers-Note-Part-2.aspx (дата обращения 24.01.2021).

характерный армянский костюм? В Гуанчжоу, Кашгаре или Яркенде? ²⁷

О том, что в XVIII в. армяне периодически появлялись в Гуанчжоу (Кантоне) и даже жили на территории, где размещались английские купцы, хорошо известно из записок представителей разных европейских стран, побывавших по разным делам в Гуанчжоу ²⁸. Однако, по всей видимости, работая вместе с англичанами, они не носили характерного для армян костюма, а европеоидный фенотип позволял им «не выделяться» на фоне других европейцев (естественно, исключительно в глазах китайцев, плохо различавших европейцев в лицо).

Представляется более вероятным, что армянский купец в характерном костюме прибыл в Яркенд или Кашгар, бывшие центрами торговли с мусульманскими странами, с одним из первых посольств от мусульманских владений юго-запада в период между 1760 и 1765 гг. Не исключено также, что он присоединился к посольству одного из таких владений, как Коканд, Бадахшан, Хунза или даже Афганистан, чтобы быть допущенным в Китай и получить разрешение на торговлю ²⁹.

Очевидно, что своим необычным внешним видом армянин привлек к себе внимание цинских чиновников при досмотре каравана и при опросе назвалсЯ выходцем из «владения Яливань», в котором можно угадать город Эривань, чье название неминуемо было искажено в китайской иероглифической транскрипции, поскольку в китайском языке не существует звука «р» и его заменяют слогами, начинающимися на «л», или слогом «эр».

Достаточно точная передача китайским художником деталей армянского мужского костюма XVII–XVIII вв. позволяет предположить, что зарисовки были сделаны с натуры, а гораздо меньшее сходство женского костюма из «Хуан Цин чжигун ту» с костюмами,

²⁷ Через Гуанчжоу в Китай прибывали иностранные купцы, торговавшие по морю, через Кашгар – шедшие со стороны Коканда, через Яркенд – шедшие по древней трассе Великого Шелкового Пути, из Индии и Афганистана.

²⁸ Так, в 1722 г. в Гуанчжоу, помимо нескольких кораблей Ост-Индской компании, шедших под английскими флагами, прибыл также корабль под «армянским флагом». Что такое «армянский флаг», исследователи затрудняются сказать. Составитель пятитомной истории Ост-Индской компании Х. Б. Морзе предположил, что над кораблем был поднят какой-то фамильный знак армянского купца, нанявшего корабль. See *Morse H. B. The chronicles of the East India company, trading to China 1635–1834.* Oxford, 1926. Vol. 1. P. 174.

²⁹ Женщины, как правило, не включались в состав караванов. В Гуанчжоу с определенного момента армяне проживали в течение довольно длительного времени вместе с семьями.

Рис. 4. Армянские купцы в полосатых халатах.
Фрагмент картины И. Лингельбаха
«Площадь Дамбы со строящейся новой ратушей, вид на север», 1656,
собрание Амстердамского исторического музея, инв. № SA 3044

запечатлевшими армянок XVII–XVIII вв., скорее всего, объясняется тем, что женский костюм рисовали со слов купца.

Для того чтобы продемонстрировать соответствие одежды «варваров» из владения Яливань армянским костюмам XVII–XVIII вв., костюмный комплекс армян середины XVIII в. был графически реконструирован А. М. Лабарткава на основе иконографических источников конца XVII – середины XVIII вв., изображающих армян, проживавших в Иране и Индии, с учетом особенностей иллюстраций «Хуан Цин чжигун ту».

Изображенный на иллюстрации из «Хуан Цин чжигун ту» мужчина одет в цветной полосатый халат³⁰ с поясом, на ногах носит башмаки европейского типа с пряжками. Изображение халатов такого

³⁰ Подобная расцветка верхней одежды появилась не позднее XVII в. и стала традиционной для армян в XIX–XX вв., что подтверждается обширным этнографическим материалом.

Рис. 5. Слева – фрагмент портрета Надир-шаха Афшара в *кулох-и надири* кисти Мохаммад Резы Хенди, ок. 1740 г.

Собрание Музея Виктории и Альберта, инв. № IM.20-1919.

Справа – портрет Шаамира Султанум Шаамиряна (1723–1798) кисти неизвестного художника

типа на армянских купцах встречается уже на картине голландского живописца Иоганна Лингельбаха (Johannes Lingelbach, 1622–1674) «Площадь Дамбы со строящейся новой ратушей, вид на север» (De Dam te Amsterdam met het nieuwe Stadhuis in aanbouw, gezien naar het noorden), далее они фиксируются на изображениях персидских армян, сделанных в начале XVIII в. в Стамбуле франко-фламандским художником Жаном-Батистом Ван Муром (Jean Baptiste Vanmour, 1671–1737). Таким образом, к моменту издания «Хуан Цин чжигун ту» традиция ношения армянами характерных полосатых халатов уже вполне сложилась.

Голова «варвара из владения Яливань» покрыта шапкой черного цвета, напоминающий головной убор *кулох-и надири* (букв. «венец Надира») времён правления персидского Надир-шаха Афшара (1733–1747), но, в отличие от последнего, с развитыми подвернутыми вверх раздвоенными полями.

Головной убор такого типа можно найти на некоторых европейских изображениях армян, в частности на портретах выходцев из Новой Джульфы – армянского просветителя Шаамира Султанум Шаамиряна (1723–1798), проживавшего в Калькутте, и Ходжи Петроса

Рис. 6. Портрет Хаджи Петроса Воскан-Велиджанянца кисти неизвестного художника. Мадрас, 1737 г. Собрание музея собора Святого Христа Всеспасителя (Ванкский монастырь), Исфахан, Иран

Рис. 7. Армянки из Новой Джульфы. Конец XVII в. Собрание Музея Исламского Искусства, Доха, Катар

Рис. 8. А. М. Лабарткава. Графическая реконструкция одежды армян – представителей Эриванского ханства

Воскан-Велиджанянца (1680–1751), богатого купца, торговавшего со странами Юго-Восточной Азии из Мадраса, который одет в синий одноцветный халат такого же покроя, что у и нашего персонажа. Кроме того, на портрете Хаджи Петроса Воскан-Велиджанянца изображены и кожаные башмаки европейского типа с пряжками.

Женщина одета в верхнюю распашную плечевую одежду с рукавами типа халата, осевой разрез которой застегивается на пуговицы-узелки на груди, длинную нижнюю рубаху, называемую *халав*, и шаровары. Голова повязана платком, на лбу – лента-монисто. Обувь кожаная, без каблука.

Верхняя одежда подпоясана женским поясом *кямар*. В соответствии с исходным изображением «Хуан Цин чжигун ту», она держит в руках полотенце и рукомойник в виде чаши/тазика с водой.

Упоминание источника о том, что женщины обычно имеют при себе рукомойник, можно толковать двояко – с одной стороны, могло подчеркиваться поведение женщин «по ритуалу», их готовность всегда услужить мужу³¹, с другой стороны – это может быть творчески переосмысленная цинским живописцем информация об армянском народном празднике Вардавар («праздник роз»), во время которого принято обливать друг друга водой.

Таким образом, найдя соответствие в политической номенклатуре стран мусульманского Востока середины XVIII в. и проведя тщательную графическую реконструкцию изображений из «Хуан Цин чжигун ту», по нашему мнению, авторам данной статьи удалось доказать идентификацию данных изображений как портретов представителей армянского населения Эриванского ханства.

Результаты проведенного исследования позволяют подтвердить факты сношений армянских купцов с цинским Китаем не только через Гуанчжоу, но и через города Синьцзяна, а также установить, что, помимо представителей армянских общин из Индии и Ирана, в торговле с Китаем принимали участие и армяне из Эриванского ханства.

Дальнейшие исследования в данном направлении могут пролить свет на конкретные детали посещений армянами открытых для иностранных торговцев городов Китая, тем самым давая более полное представление об уровне международных контактов Китая в XVIII в. и роли, которую играли в нем представители армянского народа.

Материал поступил в редколлегию

Received

19.09.2024

³¹ Так, в Китае про образ поведения женщины в отношении своего мужа говорили «служить с совком и метелкой». См. Лисевич И.С., Лю Сян. *Жизнеописания знаменитых женщин // Проблемы Дальнего Востока. № 6. М., 1990. С. 151.*

Список литературы

Арутюнян Б. А. Из истории армяно-китайских отношений. Режим доступа: http://www.armin.am/images/menus/2389/Babken_Harutyunyan_Arm_Kitay.pdf (дата обращения 24.01.2021).

Ваньго лайчао: «Чжигун ту» лиды гудай Чжунго юй шицзе (万国来朝: 职贡图 里的 古代 中国 与 世界 «Мириад владений прибыл ко двору»: из «Изображения данников» старого Китая и мира), Бэйцзин: Бэйцзин шидай хуавэнь шуцзюй (北京: 北京时代华文书局), 2019. (на кит. яз.).

Гезалов П. Штандарт Гусейн-хана Иреванского и четырехугольное знамя Иреванского ханства // Гербовед. 2011. № 6 (54). С. 28–29.

Гини Р. Путешествие в Китай Бенито де Гоиша и Исаака Армянина // Вестник арменоведения. № 2 (8). Ереван, 2015. С. 196–227.

Кузнецов В. С. Экономическая политика цинского правительства в Синьцзяне. М.: Наука, 1973. 182 с.

Линь Цилин (林頌玲) Шибин юй шэнму – Цингун «Чжигун ту» со чэнсянь чжи Сиян иньсян (士兵與聖母 – 清宮《職貢圖》所呈現之西洋印象 Воины и святые – изображения европейцев по «Чжигун ту» из цинских дворцов) // Исследовательский институт изящных искусств Тайбэйского государственного института живописи (國立臺北藝術大學美術研究所), Тайбэй (臺北), вып. 24, раздел «Ии фэньцзы» (Обсуждение искусства 議藝份子). С. 23–50 (на китайском).

Лисевич И. С. Предисл. и коммент.: Лю Сян. Жизнеописание знаменитых женщин. Фрагменты. Пер. с др.-кит. Б. Л. Рифтина // Проблемы Дальнего Востока. М., 1990. № 6. С. 150–167.

Маяцкий Д. И. Традиционализм и новаторство: ксилографический памятник «Хуан цин чжи гун ту» и его место в серии китайских альбомов, посвященных «данникам» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 111–114.

Миронова Т. С. Специфика антропологического и этнографического содержания китайского ксилографического альбома «Изображения данников правящей династии Цин» (XVIII в.) // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 114–116.

Налбандян А. В. История армянской диаспоры в Китае // Молодая Наука, Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. ун-та, 2016. Ч. 18. С. 146–148.

Самойлов Н. А. Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системы в эпоху Цин // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 116–117.

Самойлов Н. А., Маяцкий Д. И. Китайский историко-этнографический памятник «Изображения данников правящей династии Цин»: предыстория создания и социокультурное значение // Научный диалог. № 9. Екатеринбург: ООО «Центр научных и образовательных проектов», 2019. С. 437–455.

Сомкина Н. А. «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») как источник сведений о Тибете в XVIII веке // Россия – Китай: История и культура: Сб. ст. и докл. участников XII Междунар. науч.-практ. конф. Казань: Изд-во «Фэн» Академии наук Республики Татарстан, 2019. С. 450–459.

Сомкина Н. А. «Изображения данников правящей династии Цин» («Хуан Цин чжи гун ту») как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке, цз. II // Современные востоковедческие исследования. Казань, 2019. Т. 1. № 4. С. 85–107.

Сомкина Н. А. «Хуан цин чжи гун ту» как источник сведений о Центральной Азии в XVIII веке // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 117–119.

Тарих-и Бадахшан (История Бадахшана). М.: Вост. лит., 1997. 400 с.

Терентьев-Катанский А. М. Иллюстрации к старинным китайским географическим сочинениям // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1969. Вып. VIII. География, этнография, история. С. 85–98.

Фухэн (傅恒) и др. Хуан Цин чжигун ту (黃清職貢圖 Изображение данников августейшей династии Цин), цз. 1, ксилографическое издание. б/м, б/г. (на кит. яз.).

Харитонов А. М. История изучения китайского ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та № 6 (183) «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Петрозаводск, 2019. С. 43–50.

Харитонов А. М. Изучение ксилографического памятника «Изображения данников правящей династии Цин» в России и Европе // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 119–122.

Черевко М. В. Характер сведений о народах Юго-Восточной Азии в цинском альбоме «Хуан Цин чжигун ту» // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 122–124.

Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб, 1852.

East India Company Factory Records: Sources from the British Library, London. URL: http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/east_india_company_factory_records_parts_1_and_2/Publishers-Note-Part-2.aspx (дата обращения 24.01.2021).

Leijh H. The Qing and their tributaries Qing perceptions of European and Steppe-peoples // *Ma Global and Colonial History*. Leiden University, 2019. P. 1–56.

Morse H. B. The chronicles of the East India company, trading to China 1635–1834. Oxford, 1926. Vol. 1. 209 p.

Popova I. A. Depictions of Tributaries of the August Qing (皇清職貢圖) and Hyacinth Bichurin's First Album // *East Asian Studies*, Kyoto: Rin-sen Book Co., 2014. 401–415 p.

Seth M. History of the Armenians in India. Calcutta, 1895. 198 p.

Theobald U. Huang Qing zhigong tu (皇清職貢圖). URL: <http://www.chinaknowledge.de/Literature/Science/huangqingzhigongtu.html> (дата обращения 24.01.2021).

Xi Yang Some possible Chinese records about Armenia and the Armenians in Mid-Qing Dynasty // *Iran and the Caucasus*. Vol. 13. № 2. Leiden: Brill, 2009. P. 229–237.

Yaliwanguo ren, Yaliwanguo yifu. URL <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b550102713.item> (дата обращения 24.01.2021).

References

Arutiunian B. A. Iz istorii armiano-kitaiskikh otnoshenii [From history of Armenian-Chinese relations]. URL: http://www.armin.am/images/menus/2389/Babken_Harutyunyan_Arm_Kitay.pdf (accessed January 24, 2021) (In Russian).

East India Company Factory Records: Sources from the British Library, London. URL: http://www.ampltd.co.uk/digital_guides/east_india_company_factory_records_parts_1_and_2/Publishers-Note-Part-2.aspx (accessed January 24, 2021).

Gezalov P. Shtandart Gusein-khana Irevanskogo i chetyrehugol'noe znamia Irevanskogo khanstva [Colour of Hussein-khan of Irevan and

quadrangular ensign of the Irevan Khanate] // *Geral'dika* [Heraldry], №6 (54), 2011. P. 28–29 (In Russian).

Gini R. Puteshestvie v Kitai Bento de Goisha i Isaaka Armianina [Travel to China of Bento de Gois and Isaac the Armenian] // *Vestnik armenovedeniia* [Journal of Armenian Study], №2 (8), Erevan, 2015. P. 196–227 (In Russian).

Kuznetsov V. S. Ekonomicheskaiia politika tsinskogo pravitel'stva v Sin'tsziane [Economical policy of Qing government in Xinjiang], M.: "Nauka" [Science], 1973. 182 p. (In Russian).

Lin Qiling (林頌玲) Shibing yu shengmu – Qinggung “Zhigong tu” suo “Chzhigun tu” so chensian chzhi Siian in'sian (士兵與聖母 – 清宮《職貢圖》所呈現之西洋印象 Voiny i sviatye – izobrazheniia evropeitsev po “Chzhigun tu” iz tsinskikh dvortsov) // *Guoli Taibei yishu daxue meishu yanjiusuo* (國立臺北藝術大學美術研究所 Issledovatel'skii institut iz-iashchnykh iskusstv Taibeiskogo gosudarstvennogo instituta zhivopisi), Taibei (臺北), vyp. 24, Yi yi fenzi (藝藝份子 razdel “Obsuzhdenie iskusstva”). P. 23–50 (In Chinese).

Lisevich I. S. Predisl. i komment.: Liu Sian. Zhizneopisaniia znamenitnykh zhenshchin [Foreword and comments: Liu Xiang. Biographies of Exemplary Women (Lienü Zhuan)]. Fragmenty. Per. s drevnekit. B. L. Riftina [Fragments. Translate from Old Chinese of B. L. Riftin] // *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of Far East], M., 1990, № 6. P. 150–167 (In Russian).

Maiatskii D. I. Traditsionalizm i novatorstvo: ksilograficheskii pamiatnik “Khuan tsin chzhi gun tu” i ego mesto v serii kitaiskikh al'bomov, posviashchennykh “dannikam” [Traditionalism and innovation: woodcut work “Huang Qing zhigong tu” and his place in the series of Chinese albums dedicated to “tributaries”] // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Africa]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 111–114.

Mironova T. S. Spetsifika antropologicheskogo i etnograficheskogo sodержaniia kitaiskogo ksilograficheskogo al'boma “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin” (XVIII v.) // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Africa]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 114–116.

Nalbandian A. V. Istoriia armianskoi diaspory v Kitae [History of Armenian diaspora in China] // *Molodaia Nauka* [Young Science], Piatigorsk:

izd-vo Piatigorskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Piatigorsk State University Publisher], ch. 18, 2016. P. 146–148 (In Russian).

Popova I. A. Depictions of Tributaries of the August Qing (皇清職貢圖) and Hyacinth Bichurin's First Album // East Asian Studies, Kyoto: Rin-sen Book Co., 2014. P. 401–415.

Samoilov N. A. Evoliutsiia predstavlenii o kitaiskom miroporiadke i dannicheskoi sistemy v epokhu Tsin [Evolution of the concept of Chinese world order and tributary system during the Qing dynasty] // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Africa]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 116–117 (In Russian).

Samoilov N. A., Maiatskii D. I. Kitaiskii istoriko-etnograficheskii pamiatnik “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin”: predystoriia sozdaniia i sotsiokul'turnoe znachenie [Chinese historical-ethnographic work “Portraits of Tributaries of ruling Qing dynasty”: prehistory of the creation and socio-cultural significance] // **Nauchnyi dialog** [Scientific dialogue], № 9, Ekaterinburg: OOO “Tsentr nauchnykh i obrazovatel'nykh proektov”, 2019. P. 437–455 (In Russian).

Seth M. History of the Armenians in India. Calcutta, 1895. 198 p.

Somkina N. A. “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin” (“Khuan Tsin chzhi gun tu”) kak istochnik svedenii o Tibete v XVIII veke [Portraits of Tributaries of ruling Qing dynasty (Huang Qing zhigong tu) as a source of information about Tibet in 18th century] // Rossiia – Kitai: Istorii i kul'tura [Russia – China: History and Culture]. Sbornik statei i dokladov uchastnikov XII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Collection of articles and reports of the participants of the 12th International Scientific and Practical Conference], Kazan': izdatel'stvo “Fen” Akademii nauk Respubliki Tatarstan, 2019. P. 450–459 (In Russian).

Somkina N. A. “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin” (“Khuan Tsin chzhi gun tu”) kak istochnik svedenii o Tsentral'noi Azii v XVIII veke, tsz. II [Portraits of Tributaries of ruling Qing dynasty (Huang Qing zhigong tu) as a source of information about Central Asia in the 18th century, juan II] // Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniia [Modern Oriental studies], Vol. 1, №4, Kazan, 2019. P. 85–107 (In Russian).

Somkina N. A. “Khuan tsin chzhi gun tu” kak istochnik svedenii o Tsentral'noi Azii v XVIII veke [“Huang Qing zhigong tu” as a source of informations about Central Asia in the 18th century] // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Af-

rica]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 117–119 (In Russian).

Tarikh-i Badakhshan (Istoriia Badakhshana) [Tarikh-i Badakhshan (History of Badakhshan), M.: “Vostochnaia literature” [Eastern literature], 1997. 400 p. (In Russian).

Terent'ev-Katanskii A. M. Illiustratsii k starinnym kitaiskim geograficheskim sochineniiam [Illustrations for old Chinese geographical works] // Strany i narody Vostoka [Countries and peoples of East], M.: “Nauka”, 1969, vyp. VIII “Geografia, etnografia, istoriia” [Geography, ethnography, history]. P. 85–98 (In Russian).

Fuheng (傅恒) and others. Huang Qing zhigong tu (皇清職貢圖 Portraits of Tributaries of the August Qing Dynasty), juan 1, woodcut edition, no date, no place. (In Chinese).

Kharitonova A. M. Istoriia izuchenii kitaiskogo ksilograficheskogo pamiatnika “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin” [History of study of woodcut historical source “Huang Qing zhigong tu”] // Uchenye zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Scholarly notes of Petrozavodsk State University] №6 (183) “Istoriografia, istochnikovedenie i metody istoricheskogo issledovaniia” [Historiography, research and methods of historical researchs], Petrozavodsk, 2019. P. 43–50 (In Russian).

Kharitonova A. M. Izuchenie ksilograficheskogo pamiatnika “Izobrazheniia dannikov praviashchei dinastii Tsin' v Rossii i Evrope [Study of woodcut historical source “Huang Qing zhigong tu” in Russia and Europe] // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Africa]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 119–122 (In Russian).

Cherevko M. V. Kharakter svedenii o narodakh Iugo-Vostochnoi Azii v tsinskom al'bome “Khuan Tsin chzhigun tu” [Nature of informations about peoples of Southeast Asia in Qing album “Huang Qing zhigong tu”] // XXX Mezhdunarodnyi kongress po istochnikovedeniiu i istoriografii stran Azii i Afriki [30th congress on source study and historiography of Countries of Asia and Africa]: k 150-letiiu akademika V. V. Bartol'da (1869–1930) [to the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869–1930)], SPb: NP-Print, 2019. P. 122–124 (In Russian).

Chopin I. Istoricheskii pamiatnik sostoianiia Armianskoi oblasti v epokhu ee prisoedineniia k Rossiiskoi imperii [Historical monument of the state of the Armenian region in the era of its accession to the Russian Empire]. SPb, 1852 (In Russian).

Wanguo laichao tu: "Zhigong tu" lidi gudai Zhongguo yu shize (万国来朝: 职贡图里的古代中国与世界 Court Reception of Ten Thousand Nations: from «Portraits of Tributaries» of old China and world), Beijing: Beijing shidai huawen shuju (北京: 北京时代华文书局), 2019. 441 p. (In Chinese).

Сведения об авторах

Пастухов Алексей Михайлович, Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)

инженер лаборатории гуманитарных исследований

ORCID: 0000-0003-0151-1796. E-mail: chinese warfare@inbox.ru

Pastukhov Alexey Mihailovich, Novosibirsk State University (1, Pirogova Str., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)

Engineer of the Laboratory of Humanitarian Researches

ORCID: 0000-0003-0151-1796. E-mail: chinese warfare@inbox.ru

Лабарткава Александр (Джеляледдин) Муртазович, независимый исследователь, Тбилиси

E-mail: murghul12@gmail.com

Labartkava Alexandr (Jelaledin) Murtazovich, independent researcher, Tbilisi

E-mail: murghul12@gmail.com

УДК 398.332.424

DOI

10.25205/2499-9997-2024-1-56-74

**Новые советские праздники в традиционном
праздничном календаре у сельских жителей Алтая
во второй половине XX в.:
(по материалам этнографических
экспедиций 2013–2024 гг.)**

И. Ю. Аксенова

Новосибирский государственный университет

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы введения и адаптации новых советских праздников на Алтае у потомков старожилов и переселенцев во второй половине XX в. Дан анализ традиционных элементов календарной праздничной обрядности потомков старожилов и переселенцев Алтая, включенных в сценарий новых советских праздников (Новый год, Проводы Зимы, Русская березка или Борозда), показаны аналогичные включения элементов из сценариев советских праздников в традиционные календарные праздники сельских жителей. Проведен анализ рассказов от представителей различных поколений (более старшего, 1920–1930 г.р., и более младшего, конец 1930–1950-х г.р.) на предмет потери знаний о смыслах старых праздников и традиций их празднования, а также празднования новых советских праздников. В основе статьи материалы полевых экспедиций автора 2013–2024 гг. на территорию ряда районов Алтайского края (Шипуновский, Мамонтовский, Романовский, Курьинский, Усть-Пристанский, Волчихинский и др. районы), а также материалы районных архивов, сельской периодики. Новизна исследования заключается в том, что проблема впервые рассмотрена на узкорегionalном уровне (район, село).

Ключевые слова

Календарная праздничная обрядность, Алтай, трансформация, адаптация, старожилы, переселенцы, новые советские праздники.

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования

Аксенова И. Ю. Новые советские праздники в традиционном праздничном календаре у сельских жителей Алтая во второй половине XX в.: (по материалам этнографических экспедиций 2013–2024 гг.) // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. С. 56–74

DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-56-74

New soviet holidays in the traditional holiday calendar of rural residents of Altai in the second part of the XX century (based on materials of ethnographic expeditions 2013–2024)

I.Yu. Aksenova

Novosibirsk State University

Abstract

The article examines the issues of introducing and adapting new Soviet holidays in Altai among the descendants of old-timers and settlers in the second half of the 20th century. An analysis is given of the traditional elements of the calendar holiday rituals of the descendants of old-timers and settlers of Altai, included in the script of new Soviet holidays (New Year, of Seeing the Russian Winter Off holiday, Russian Birch or Furrow), shows similar inclusions of elements from the scripts of Soviet holidays in the traditional calendar holidays of rural residents. An analysis of stories from representatives of different generations (older, born in the 1920s–1930s, and younger, born in late of the 1930s–1950s) was carried out to determine the loss of knowledge about the meanings of old holidays and the traditions of their celebration, as well as the traditions of celebrating new Soviet holidays. The article is based on materials from the author's field expeditions in 2013–2024 to the territory of a number of districts of the Altai Territory (Shipunovsky, Mamontovsky, Romanovsky, Kurinsky, Ust-Pristansky, Volchikhinsky and other districts), as well as materials from regional archives and rural periodicals. The novelty of the study lies in the fact that the problem is considered for the first time at a narrow regional level (district, village).

Keywords

Calendar holiday rituals, Altai, transformation, adaptation, old-timers, settlers, new soviet holidays.

Funding

The study was carried out as part of the implementation of the State assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of scientific activity (project N FSUS-2020–0021).

For citation

Aksenova I.Y. New soviet holidays in the traditional holiday calendar of rural residents of Altai in the second part of the XX century (based on materials of ethnographic expeditions 2013–2024) // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. P. 56–74.
DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-56-74

Праздничный календарь сельских жителей Алтайского края во второй половине XX в. включал в себя как традиционную праздничную календарную обрядность с ее локальными вариациями, так и новые советские праздники с их сценариями. Актуальность в настоящее время приобретают исследования, посвященные трансформационным процессам, сочетанию традиционного и инновационного аспектов в отправлении религиозных и народных праздников у различных этнокультурных групп, связанных с адаптацией обычаев и обрядов к меняющимся условиям жизни в XX в. В связи с этим автор ставила перед собой задачи рассмотреть адаптацию элементов сценариев новых советских праздников в традиционном праздничном календаре у сельских жителей Алтая, дать анализ традиционным элементам календарной праздничной обрядности, которые были включены в сценарии новых советских праздников (Новый год, Проводы Зимы, Русская березка или Борозда), проанализировать восприятие старшим поколением и молодежью «новых» и «старых» праздников. Константные и динамические процессы в календарной обрядности рассматриваются с учетом межкультурных контактов потомков старожилов и переселенцев Алтайского края.

Теме календарной праздничной обрядности на Алтае, в том числе новым советским праздникам, уделялось внимание исследователями: Абалкина Ю.А. [Абалкина, 2005], Дубровская М.В. [Дубровская, 1996], Коляскина Е.А. [Коляскина, Аксенова, 2023], Куприянова И.В. [Куприянова, 2004], Мотузная В.И. [Мотузная, 2004], Палевкина Е.В. [Палевкина, 2002], Панышина Н.Г. [Панышина, 2005], Сигарева М.Н. [Сигарева, 2001], Щербакова О.С. [Щербакова, 1998], Явнова Л.А. [Явнова, 2023] и др. Авторы рассматривали вопросы специфики того или иного календарного праздника у старожилов и переселенцев Алтая, основываясь на собственных полевых изысканиях. Отдельные аспекты этой темы затрагивались в работах Т.Н. Золотовой [Золотова, 2002], Г.В. Липинской В.А. [Липинская, 1989], Г.В. Любимовой [Любимова, 2004], Е.Ф. Фурсовой [Фурсова, 2002] и др. В.А. Липинская [Липинская, 1989] исследовала связь традиционных и советских календарных праздников в русских селах Алтайского края, отмечая их преемственность. Автором А.В. Богочановой [Богочанова, 2020] затрагивались проблемы замещения традиционной праздничной обрядности советской. Несколько работ автора данной статьи были в том числе посвящены исследованию традиционных праздников и их трансформации у старожилов и переселенцев Алтайского края в XX в. [Аксенова, 2022, 2023], др. Однако, вопросам изучения форм адаптации новых советских праздников и их влиянию на календар-

ные праздничные обычаи и обряды старожилов и переселенцев Алтая практически не уделялось внимания, не был детально рассмотрен процесс формирования «традиционно-советского» праздничного календаря во второй половине XX в.

Вся жизнедеятельность людей была подчинена высшему порядку, реализовывавшемуся через последовательность календарно фиксированных ритуально-праздничных циклов [Церковные праздники, 2001, с. 340]. Анализ материалов, полученных в ходе этнографических экспедиций, позволяет заключить, что информанты, рожденные в 1920–1930-х гг., при описании календарных праздников и периодов располагают их в связке один за другим: «Вот щас пойдет Филипповка, потом Никола, потом Рождество, потом Крещение, с Рождества до Крещения – Святки, а с Крещения до Масленки – промёжгование, это мясо ели, это свадебное время было. Почему так называли – уже не знаю. Это были все свадьбы играли вот это все, а уж на Масленку – тройки за тройками, свадьбы гудели! Прямо в тот день старались все, чтоб было» (Щапова Н.П., 1937 г.р., с. Островное, Мамонтовский район, саратовские переселенцы). «Их три праздника идут: 17 декабря – Варвары, 18 – Саввы, а 19 – Никола зимний. Летом он 22 мая» (Горохова М.Ф., 1929 г.р., с. Гилев Лог, Романовский район, пензенские переселенцы). Часто друг за другом описывают Спасы: «14 августа – первый Спас, Медовый, 19 августа – второй, Яблочный, потом 29 – третий Спас, Хлебный» (Мишина Е.И., 1927 г.р., Кособоково, Шипуновский район, белгородские переселенцы). «Их три, 3 праздника, которые дёржат не число, только день – воскресенье. Остальные – число дёржут. Вот Троица – она и называется Троица, воскресенье держит, Маслена и Пасха. От Масленой 50 дней – будет Пасха, от Пасхи 50 дней – будет Троица, вот тебе три праздника – держат воскресенье, день. Остальные держат число. – Откуда знаете? (И.Ю.) – Старики говорили» (Голоденко В.П., 1935 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский район, украинские переселенцы).

Таким же образом, информанты более старшего поколения рассказывали о периодах поста, их продолжительности и запретах: «Есть Мясоед, Петровка, Филипповка и Великий пост. У нас молоко собирали, в погреб квасили. Когда разрешено, тогда ели, а так вообще не давали» (Рытвина А.С., 1924 г.р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район, воронежские переселенцы). К некоторым праздникам добавлялись приметы и поговорки: «14 марта бывают «Евдоки». «Евдоки – с гор потоки» все назывались. Таять уже будут. «Сороки» – это 22 марта. Сорок птичек прилетят, 40 холодов принесут. А 30 марта будет «Теплый Алексей». Уже тада тепло. А 8 апреля «Болговещенье».

На этот праздник «птица гнезда не вьет, девка косы не плетет». А дальше Пасха» (Бирюкова М.И., 1932 г. р., с. Шипуново, Шипуновский район, вятские переселенцы). «Да, это вот от Рождества и до Крещения – 19 января – это будет «Святки». 7 января – Рождество, а 19 – это Крещение. Засевали это утром! А «щедровки» вечером. А под Рождество (6-го) – «Коляда» вечером. А уже утром пели «Рождество Твое Христе Боже наш...»» (Глущенко А.А., 1925 г.р., с. Гилев-Лог, Романовский район, россияне¹ переселенцы).

Информанты же, рожденные в конце 1930–1950-х гг., уже обозначали многие традиционные праздники как «слышали такие, но не знаем, как праздновать», не располагали их в хронологическом порядке, редко могли обозначить количество дней и недель между ними, рассказать о приметах и традициях, характерных для того или иного народного праздника. Приведем несколько цитат, иллюстрирующих данный тезис: «В деревне, я помню, гадали, только не помню, на какой праздник. Ворожили, с зеркалом, книгой. Это, наверное, Святки... не помню» (Карпова Л.В., 1954 г.р., с. Чарышское, Чарышский район, старожилы). «Кирки-улиты. Я слышал, но не знаю, когда» (Истомин Ю.А., 1941 г.р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район, старожилы). «У нас был Старый Новый год и такой год (Новый год, 1 января – И.Ю.), поэтому Рождество я не помню. Вы-то постарше, вы еще имели (обращается к присутствующим в комнате бабушкам – И.Ю.)» (Труфанова Л.И., 1947 г.р., с. Комариха, Шипуновский район, курские переселенцы). «Не помню на какой праздник делали качели, но на какой-то праздник²» (Иванова В.А., 1946 г.р., с. Родино, Шипуновского района, украинские переселенцы). «Может, мы тогда были не просвещенные что праздник Пресвятой Богородицы... Бабушка и мама, она с 1928 г.р. была, – они знали все. Они их правда не отмечали по-особому, но знали. Мы уже нет» (Прощенко М.А., 1947 г.р., с. Крутиха, Крутихинский район, украинские переселенцы). «Спасы пойдут, 1, 2, 3 Спасы. То ли святили, то ли нет, я не знаю. «Маковей» слышала, что называли, но какой это день, не знаю даже» (Цуркина Н.Е., 1935 г.р., с. Масляха, Крутихинский район, старожилы).

Период 1950-х – начало 1960-х гг. ознаменован строительством большого количества культурных объектов, когда, говоря словами СМИ того времени, на Алтае начала формироваться и распространяться социалистическая обрядность на селе, утверждение массовых советских праздников. Как отмечается, партийные деятели предполагали, что новые советские праздники смогут быстро вытеснить ста-

¹ Прибывшие, по словам самих информантов, из России.

² Традиционно устанавливали качели на Пасху.

рые, превратив их в собрание устаревших обычаев, пустых условностей, никому не нужных ритуалов [Традиционная культура, 2016, с. 467]. Организация и проведение советских праздников предполагалось работниками сельских Домов культуры. Из отчетного доклада крайкома КПСС на VIII краевой партийной конференции о работе культпросвет учреждений (от 16–17 января 1956 г.) говорится: «... За отчетный период построено 103 колхозных клуба и 4 районных дома культуры, открыто 210 новых библиотек»³. (Рис. 1.).

Рис. 1. Клуб п. Чернышевка.

Фото из фонда Алейского историко-краеведческого музея.

В 1964 г. в Сростках впервые в крае были введены новые обряды регистрации новорожденных и праздник Русской березки. За подготовку и проведение мероприятий отвечала районная библиотека во главе с Д.И. Фалеевой и заведующей детской библиотекой Л.М. Воеводиной [Бийский район, 2005, с. 380]. По материалам Поспелихинского архива, новые обряды и праздники (включая Праздник урожая, Проводы Зимы) вводятся с сентября 1964 г. В документах отмечается, что новые по содержанию, советские по духу, они были восприняты населением и стали неотъемлемой частью культурно-просветительной работы⁴.

³ ПААК. Ф. 1. Оп. 99. Д. 1. Л.166-167.

⁴ ПААК. Ф. Р-67. Оп. 1 Связка 4. Ед. хр. 16. Переписка отдела культуры по проведению праздников в районе с 1965-1966, 1972-1974 гг. 28 л. С. С. 21.

Как следствие, в 1960-1980-х гг. происходили процессы интегративные характера элементов традиционной и советской обрядности, которые были зафиксированы в исследуемых районах. Многими информантами конца 1930–1950-х гг. рождения отмечаются советские праздники как любимые: «Конечно, советские больше праздновали, я их любила. А православные – а что они мне дают? Мы с мужем всегда шли на торжество, всегда довольные. Всегда мне очень нравилось колонной идти, транспарантами, рабочих награждали! На 9 мая все митинг стоят, потом все идут гулять. 7 ноября, День победы, 1 мая – это всегда. Потом День молодежи!» (Панина Н.Н., 1940 г.р., с. Усть-Пристань, Усть-Пристанский район, саратовские переселенцы). «Ой, и то и этот праздновали! И мама также! Я говорю, мы все праздники праздновали. И старинные и советские. И Новый год и 1 мая и 8 марта, и 23 февраля – все!» (Чекаданова М.А., 1950 г.р., с. Краснощеково, Краснощековский район, росейские переселенцы). Некоторые высказывания говорят о приоритете в отношении к тому или иному празднику: «Старый Новый год как-то поинтересней отмечали, ходили колядовать, сеять, посеять. Шутили, то калитку снимут. Чурку под дверь. Он был как-то раскованней что ли. Официальный Новый год – официальная елка, танцы, мероприятия в клубе для взрослых, где церковь, там. Радиола играла, кто на баяне, так по очереди. То выступление со сцены местных артистов – все вперемешку (Благинин Н.П., 1945 г.р., с. Чарышское, Чарышский район, старожилы). Отмечалось, что традиционные праздники больше праздновались старшим поколением, в то время как «мы уже в клуб ходили», «не понимали этих праздников»: «Это раньше старики ходили, а «советские» уже не ходили, не понимали. Мы не ходили домой на праздники, нам в бригаде лучше было (Сотникова Е.М., 1929 г. р., с. Гуселетово, Романовский район, росейские переселенцы). «По воскресеньям и на праздники в церковь ходили раньше обязательно, но я церковь не захватила уже. Мы ходили в клуб, выходим с клуба, одни выходят – в одну сторону песни поют, другие – в другую» (Назаренко М. Е., 1939 г. р., старожил, с. Зеркалы, Шипуновский район, старожилы).

Подготовка, уборка всего дома традиционно проводилась к «большим» народным праздникам (Рождество, Пасха, Троица, др.), считались обязательными «скобление», «шорканье» полов, мытье, позднее – побелка внутреннего убранства. Как показали полевые исследования, во второй половине XX в. стало обязательным убираться, белить и перед новыми советскими праздниками (Новый год, 8 марта, 7 ноября, др.): «У нас белили к 8 марта. Там и Паска рядом, но больше к 8 Марта белили» (Панина Н.Н., 1940 г.р., с. Усть-При-

стань, Усть-Пристанский район, саратовские переселенцы). «Обязательно белили к 8 Марту. К Пасхе – обязательно, к Дню Победы, Троице. Всю избу белили! Я белила по вечерам и по комнате» (Чекаданова М.А., 1950 г.р., с. Краснощеково, Краснощековский район, российские переселенцы). «День революции – к нему белили, к Новому году белили – это кухню белили, а всю избу – это на майские праздники, когда дети соберутся, тогда помогают. Белить – это женская работа. Папа не белил (Мерюнов Б.Н., 1958 г.р., г. Алейск, Алейский район, старожилы). «С детства запомнила. Красили мы дома яйца, это вот бабушка. Мы дома красили, белили дома к Паске, это 1980-е гг. Белили к 7 ноября, после – белили, в погреб засыпали картошку» (Кобухова М.М., 1969 г.р., с. Волчиха, Волчихинский район, российские переселенцы).

Как отмечается в исследованиях, в 1960–1970-е гг. официальными праздниками были охвачены гораздо более широкие круги общества, чем в 1930-е гг. Только в эти годы советский праздничный цикл внедрился также в сельской местности Советского Союза, заняв свое место рядом с традиционными праздниками [Рольф, 2009, с. 349]. В поздний период существования Советского Союза функция праздников заключалась, однако, не столько в затверживании идеологических догм, сколько в интеграции системы. То есть режим проводил политику сплочения общества, сознательно прибегая при этом к заимствованию практик народных праздников и включая их в официально санкционированный праздничный канон [Рольф, 2009, с. 349]. В результате заимствования некоторых элементов праздничной обрядности из традиционного календаря появлялись формы адаптации, не имеющие место ранее.

Новые календарные праздники Проводы Зимы, Дни памяти, Русская березка (Борозда) являлись праздниками-заместителями традиционных праздников Масленицы, Радоницы, Троицы в народном календаре. К примеру, элементы из троичной обрядности воспроизводятся в сценариях праздника Русской Березки, когда распространенной становится практика установления березовых ветвей, повязывание лент на торговых палатках, при декорировании сцены, в комнатах, павильонах, на рабочих машинах, пр.: «У нас праздник Русской березки был совмещен с праздником в колхозах, праздник Борозды назывался! Его отмечали в колхозах, совхозах его проводили. У нас там тополиная рощица была. Называлось это «Сабантуй». И состязания были и скачки на лошадях проводили! И артисты выступали, и ставили тогда палатки торговые... И вот там проводили все эти мероприятия. Все комнаты, все павильоны, веточками бе-

резки украшали» (Саддаров С.К., 1955 г.р., с. Волчиха, Волчихинский район, украинские переселенцы). «Рубили березки даже. Да. Я помню, в Костином Логу – они березками всю сцену украсили. И на кулисах веточки висели» (Шишенина Л.М., 1953 г.р., с. Мамонтово, Мамонтовский район, харьковские, тамбовские переселенцы). Обрядовый элемент завивания (украшения) березки лентами был включен в ритуал награждение бригадиров в Шипуновском районе [Аксенова, 2022, с. 34]. Другим примером адаптации может являться вождение «хоровода вокруг костра» (женщинами и мужчинами) после окончания посевной, пение при этом разных песен, включая песни из советского репертуара: «Закончили посевную, собираются все: молодые, старые. Выезжают там. Вот у нас сад был, ну можно куда-то выехать на природу. Там жгется костер, там обязательно покупают в магазине выпивку, это после того, как закончатся все полевые работы. Это днем. Берутся прям за руки, костер большой, и сколько людей, очень много людей, все ходят и поют песни. Ну, какие-то советские. Которые все знают, те и пели. Несколько песен могли пропеть за раз. Все, прошли и все, садятся группами, где кто если там. Прям на траву, это после. Это конец июня, это называется Борозда» (Долженко О.И., 1944 г.р., с. Самсоново, Шипуновский район, переселенцы из г. Ростов-на-Дону). По воспоминанию Н.И. Цыкозы, работника сельского Дома культуры в с. Первомайском, Шипуновского района, на каждый концерт ко Дню русской березки на сцене сельского ДК устанавливали березку в кадке⁵. Были случаи, когда девушки в бригадах плели венки на Троицу большего размера, вешали их через плечо в качестве имитации наградной ленты⁶: «Троица – венки, мы лазоревые цветочки, венок сделаем на голову и такие, на грудь вешали цветы, лента через плечо» (Козлова З.Н., 1931 г. р., с. Коробейниково, Усть-Пристанский район, старожилы).

Встречались также случаи «перенесения» народных примет с традиционных календарных праздников на советские: «Веники вязали березовые для бани, заготавливали в этот праздник! Еще отец мне говорил: хорошая пора веники вязать – вот начинается праздник Борозды ...и до покоса. Как тока сено скосили. Все, уже потом начинается веник не крепкий. Лист облетает, все... (Саддаров С.К., 1955 г.р., с. Волчиха, Волчихинский район, украинские переселенцы). Вероят-

⁵ Емкость, сделанная из деревянных досок, стянутых металлическими или деревянными обручами.

⁶ На наш взгляд, данные формы украшения, производные от традиционного венка на Троицу, возникли как аналог наградной атрибутики бригадиров, передовиков на празднике Борозды (Русской Березки).

но, содержащиеся в народной памяти знания об обычае заготавливать веники «с Троицы» «перешли» на праздник Борозды (Русской Березки) в результате его ежегодного проведения в селах. Таким образом, советский праздник Борозда стал являться ориентиром для традиционной заготовки березовых веников.

Праздник Проводы Зимы сохранял смысл перехода от зимы к весне: «Весна приезжала на этой же тройке, на санях, круг почета по площади дала, там, где праздник проводится, и эта же тройка увозила Зиму. Зима там со слезами как будто бы, с грустью покидала, ручками махала, ей тоже ручками махали» (Конради Н.А. 1947 г.р., с. Шипуново, Шипуновский район, украинские переселенцы). Как отмечалось в отчетах учреждений культуры, Проводы Русской зимы – праздник, начинавшийся с раннего утра, превращался в народное гуляние с элементами театрализации, спортивными состязаниями, конкурсами плясок, частушек, с разноцветной ярмаркой, заканчивается вечером⁷. В сценарии праздников включались традиционные элементы – ряжение, катание с гор и на лошадях, сжигание чучела, блины, создание снежного городка (в некоторых села), пр. Приведем воспоминание П.И. Аникина и ходе праздника: «Проводы Зимы делаем, мы обязательно блины организуем, ребятишки – скороморохи, ряженные, подушками соломой набиты, верёвки тянут, канаты, игры, лазают на этот столб, подарки снимают и пр. Тройки делали раньше, как я только приехал! Печку делали на тракторе, тада еще без кабины был трактор, его обшивали печкой большой вот и все, и катали тоже ребятишек! А тройки – не одна, а 2-3 тройки, потому что ребятишек катали прям тут же у нас по кольцу, тут по селу. А ребятишек катали на тракторе, там были ступеньки сделаны, залазили на печку, а трактора не видно, потому что все обшито же, печка русская и все» (Аникин П.И., 1948 г.р., с. Курья, Курьинский район, переселенцы из Омской области).

В сценариях Проводов Зимы нередко выступающие использовали традиционный элемент весенне-летней обрядности – венок, а в Курьинском районе исполняли веснянки на площади, которые по традиции исполнялись в начале весны: «По призыву Деда Мороза на трибуну входят Весна красная с веснянками, которая после наказа Деда Мороза, остается полновластной хозяйкой. Ее веснянки исполняют на площади танец (Рис. 2)»⁸.

⁷ Годовые текстовые отчеты о работе учреждений культуры районов края с буквы «У» по букву «Ж» за 1987 г. Ф. Р-1062. № 3. 251. 56 л. Отчет Угловского районного Дома культуры о работе клубных учреждений за 1989 год. С. 4.

⁸ Анышаков С. Проводы русской зимы // Патриот Алтай. № 36 (3833), 24 марта 1977 г. С. 1.

Рис. 2. Танец веснянок. Фото из статьи. Аньшаков С. Проводы русской зимы // Патриот Алтая. № 36 (3833), 24 марта 1977 г.

В Чарышском районе для скачек выбирали породистых лошадей, которых держали потомственные казаки в с. Тулата, сооружали снежную крепость: «В Тулате лошадей породистых держали, на скачках участвовали. Это при мне было. Уже нигде не было, а там было. Это были совхозные кони, но там были любители, которые своих рысков держали и тренировали их хорошо. Обычно на день красной армии было или Проводы Зимы. Гоняли еще когда снег лежал. Саночки были у них специальные для лошадей, рысаки были. Ну там конюх работал, он из потомственных казаков, он их содержал. И лошадей готовил и санки эти, запрягал и...! Был, я помню, снежный городок, там на площади сооружали, хлестались ребята» (Благинин Н.П., 1945 г.р., с. Чарышское, Чарышский район, старожилы).

Аналогично практике сжигания чучела на площади села, у сельских жителей в с. Гуселетово бытовала традиция сжигать сделанное чучело из фуфайки и шапки, которое традиционно сжигали после колес на улице: «Чучело делали – одевали шапку, фуфайку, как колесы кончают палить, – и сжигают, и расходятся» (Сотникова Е.М., 1929 г.р., с. Гуселетово, Романовский район, росейские переселенцы). Отметим, что традиция сожжения колес взрослыми и детьми на Масленицу была зафиксирована нами в Романовском и Волчихинском районах Алтайского края.

В 1918 году Совет народных комиссаров «в целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени» принял декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря». А закрепление в 1935 г. в СССР

Нового года (1 января) как государственного праздника было призвано вытеснить «антисоветский обычай» праздновать Рождество Христово, чем объяснялось перенесение рождественских традиций на празднование Нового года [Явнова, 2023, с. 62]. В результате появились праздники: Старый Новый год (14 января), отмечавшийся 13 января («Васильев вечер») и государственный праздник Новый год (1 января), отмечавшийся вечером 31 декабря. Как показали опросы информантов, до 1950-х гг. сельскими жителями отдавалось предпочтение празднованию Старого Нового года: «Самые такие – Рождество и Старый Новый год. Новый год не праздновали» (Белевцева Т.К., 1940 г.р. с. Хлопуново, Шипуновский район, курские переселенцы). Однако для детей и молодежи в 1950–1960-х гг. Новый год по (1 января) становится любимым праздником: «Старый Новый год тоже праздновали. Новый год был лучше праздник» (Ильиных Т.Н., 1957 г.р., с. Озерки, Шипуновский район, рязанские переселенцы).

Празднование Нового года проходило в различных форматах мероприятий – детские новогодние елки для детей в школах и библиотеках, корпоративные елки для детей, новогодние мероприятия для взрослых в ДК, праздник 31 декабря на сельской площади. Некоторые элементы из сценариев детских елок проникают в «домашние сценарии» празднования Нового года в конце 1950–1960-х гг. А именно: традиционным становится переодевание в новогодние костюмы, практика рассказов стихотворений детьми дома, «стоя на табуретке», с последующим вознаграждением конфетами, вождение хороводов вокруг елки в доме, приход и поздравление Деда Мороза, вручение (нахождение детьми) подарков: «Делали из глины маски всякие, это 1957 год. У нас елку поставили, ребятишек пригласили. Костюмы делали – и белочка и кошечка. Мы просто развлекали детей. Стихи обязательно рассказывали, про зимушку. Дед Мороз приходил» (Ермизова Н.И., 1951 г.р., Волчиха, Волчихинский район, воронежские, харьковские переселенцы). Иногда праздничные увеселения проводились как в узком семейном кругу, так и с привлечением соседских детей. Интересным вариантом адаптации является использование новогоднего костюма со школьной елки в колядовании: «У меня был костюм «кукуруза». У мамы были шторы желтые, она мне штаны сшила сама. Я на Святки бегала в нем года три» (Ильиных Т.Н., 1957 г.р., с. Озерках, Шипуновский район, рязанские переселенцы).

Если ранее семантически с Рождеством ассоциировались подарки [Явнова, 2023, с. 62], то со второй половины XX века становится традицией дарить подарки своим детям дома на Новый год аналогично

традиции одаривания детей на новогодних детских елках (в «самошитых мешках», кульках), в качестве подарка были хлебобулочные изделия (калачи, булочки), конфеты, леденцы. Дарили также «самошитые» игрушки, позднее – покупные куклы, лыжи, платья, пр.: «А вот в 1950-е мама сама шила нам куклы, потом ежиков шила, слонов, жирафов, то, что можно было сшить. А вот так в мешке трясла их и говорила: «Так, подходи!» (Ильиных Т.Н., 1957 г.р., с. Озерках, Шипуновский район, рязанские переселенцы).

Со второй половины XX в. в селах вводятся в практику поздравления Дедом Морозом односельчан и их детей, передовиков, представителей органов власти, организованные работниками сельских ДК, что отразилось на страницах сельской периодики: «Еще до праздника задумались на центральной усадьбе совхоза «Маяк», как лучше встретить Новый год. И решили каждый желающий поздравить своих близких и родных – дает Деду-Морозу и его свите задание, а уж они постараются его выполнить»⁹. В конце 1950-х – начале 1960-х гг. данная практика распространяется в селах, становится любимой сельскими жителями, которые, перехватив инициативу у культурных работников, организуют поздравления сами для родных и близких. В качестве Деда Мороза иногда выступал кто-либо из ближайших родственников: «Это был мой дедушка. Ну конечно, с подарками, с поздравлениями, заходит: «Здесь такая внученька живет? А я с лесу!» Ему (Деду Морозу – И.Ю.) бусы вешали из стеклянных палочек на елку, блеском лицо мазали, шапка тоже была красная» (Карпова Л.В., 1954 г.р., с. Красный Партизан, Чарышский район, старожилы).

В 1980-х гг. в культурно-досуговой сфере внимание к фольклорно-этнографическим материалам возрастает, в программы новогодних клубных мероприятий включаются традиционные элементы обычаев и обрядов Новогодья. Так, в отчетах 1987 г. отмечалось: «Два года назад в районе стали проводиться новые массовые праздники: «Зимние забавы», «Колядки»¹⁰.

⁹ Федоров Н. Под звон бубенчиков // Животновод Алтай. № 2 (2568), 5 января 1966. С. 1.

¹⁰ Ф. Р-1062. Оп. 3. Д. 246. 93 л. Отчет РДК о работе клубных учреждений Алтайского района за 1987 г. С. 9.

Заключение

Спущенная сверху ориентация на новые культурные веяния, коммунистические идеалы и ценности во второй половине XX в. способствовали изменению духовного багажа людей, повлекли за собой череду трансформационных процессов в календарных праздничных традициях потомков старожилов и переселенцев Алтая. Происходит разделение взглядов старшего и молодого поколений, что выражается в различном отношении к «старым» и «новым» праздникам («ваши» и «наши» праздники). Постепенно при сохранении форм самих обрядов понимание смыслов стиралось в сознании молодых поколений. Если представители более старшего поколения (1920–1930 г.г.), системно обозначали расположение традиционных праздников в календаре, указывая периоды, приметы и традиции празднования старых праздников, то представители более молодого поколения (конец 1930–1950 г.г.) называли праздники выборочно, не по порядку, не давая дополнительных сведений, включали в категорию «приоритетных», любимых новые советские праздники.

Как свидетельствуют полевые исследования, во второй половине XX в. в советской и традиционной праздничной обрядности появились новые адаптационные формы, «переносы» праздничных элементов из одной системы в другую. Так, во второй половине XX в. традиционной становится уборка, побелка внутреннего убранства дома как к большим традиционным праздникам (Рождество, Пасха, Троица), так и к государственным (Новому году, 8 марта, Дню победы, 7 ноября). Некоторые элементы традиционной календарной праздничной обрядности потомков старожилов и переселенцев Алтая (а также атрибутика праздников) были включены в сценарии новых советских праздников (Новый год, Проводы Зимы, Русская березка или Борозда) – завязывание лент на березе на праздник Русской Березки при награждении звеньев в бригаде, оформление сцен и пространства к празднику Борозды лентами, березовыми веточками; использование венка, пение веснянок, вождение хороводов, создание снежного городка, проведение скачек на праздник Проводы Зимы; с 1950–1960-е гг. «по списку» проводятся обходы и поздравления сельских жителей Дедом Морозом (подобно обрядовым обходам дворов колядовщиками на Святки), в новогодних сценариях также содержатся некоторые традиционные игры, пение песен с вождением хоровода вокруг елки, костюмирование, пр.

Наряду с этим, некоторые элементы из советских праздников попадают в традиционные: включение в новогодние праздничные се-

мейные вечера элементов из новогодних детских сценариев (рассказ стихотворения, песни, хороводы, одаривание подарками, организация поздравлений Деда Мороза в домашних условиях для своих детей), домашнее костюмирование, отмечены случаи использования новогоднего костюма для детского утренника (кукурузы) в традиционных святочных обходах дворов. В некоторых селах сооружали «чучело» из подручных материалов (фуфайка, шапка), устанавливая его на своей улице, которое так же, как и в заключительной части праздника Проводов Зимы, сжигали в последнюю очередь. На Троицу была зафиксирована практика плетения «венков» девушками в бригадах для их расположения «через плечо» аналогично наградным лентам, применявшимся при награждении передовиков, бригадиров в праздник Борозды. Таким образом, происходило постепенное формирование системы «традиционно-советского» праздничного календаря, новой советской идентичности сельских жителей Алтая во второй половине XX в.

*Статья поступила в редколлегию
Received
10.10.2024*

Список литературы

Абалкина Ю.А. Праздники 1920–1980-х гг. // Бийский район: история и современность: сборник: в 2 т. Т.1. Барнаул: БГПУ, 2005. С. 289–295.

Аксенова И.Ю. Календарная обрядность восточнославянского населения Алтайского края в 1940-х–1960-х гг. как результат трансформации этнокультурного самосознания // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. № 4(66). С. 42–53.

Аксенова И.Ю. Локальные календарные обычаи русских Алтая как отражение социокультурных процессов 1920–1960-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири, 2022. Т. 29. № 2. С. 28–36.

Бийский район: История и современность: в 2 т. Т. 2. Барнаул: БГПУ, 2005. С. 380.

Богочанова А.В. Государственные преобразования в сфере праздничной обрядности в период хрущевской оттепели // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 10. Барнаул: АлтГПУ, 2020. С. 319–323.

Бондаренко С.И. Исторические аспекты освоения целинных и залежных земель: значение, опыт, перспективы (к 60-летию целинной

эпопеи) // Аграрная наука – сельскому хозяйству: IX международная научно-практическая конференция (5–6 февраля 2014). Барнаул: РИО АГАУ, 2014. Книга 1. С. 18–22.

Дубровская М.В. Некоторые особенности весенне-летней праздничной обрядности Алтайского района // Этнография Алтая: Материалы II научно-практической конференции. Барнаул: БГПУ, 1996. С. 202–207.

Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Омск: ООО «Издатель-Полиграфист», 2002. 234 с.

Коляскина Е.А., Аксенова И.Ю. «Пересборка» масленичной обрядности у русского населения Алтайского края в 1950–1980-х гг. в свете коммуникации власти и сельского общества // Традиционная культура. 2023. Т. 24, № 4. С. 47–59.

Куприянова И.В. Календарная обрядность // Залесовское Причумышье: очерки истории и культуры. Барнаул: БГПУ, 2004. С. 214–226.

Липинская В.А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения // Русские: семейный и общественный быт. М.: Наука, 1989. С. 92–141.

Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX вв. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 240 с.

Мотузная В.И. Календарная обрядность русского населения Солонешенского района // Солонешенский район: очерки истории и культуры. Барнаул: БГПУ, 2004. С. 300–307.

Палевкина Е.В. Календарная обрядность с. Воздвиженка Кулундинского района Алтайского края // Ученые записки Алтайского государственного института искусств и культуры. Вып. 2. Барнаул: АГИИК, 2002. С. 231–234.

Паньшина Н.Г. Календарная и праздничная обрядность в селах Бийского района // Бийский район: история и современность: сборник: в 2 т. Т. 1. Барнаул: БГПУ, 2005. С. 213–255.

Рольф М. Советские массовые праздники. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 439 с.

Сигарева М.Н. Зимний календарный фольклор Петропавловского района [Алтайского края]: (По материалам экспедиций 1997–1999 гг.) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Вып. 4. Барнаул: БГПУ, 2001. С. 166–176.

Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие. М.: Индрик, 2016. 616 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX–XX вв.). Новосибирск: «Агро». Ч. 1. Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. 2002. 287 с.

Щербакова О.С. Зимний цикл празднично-обрядового обхода дворов (по материалам фольклорных экспедиций) // *Этнография Алтая и сопредельных территорий*. Барнаул: БГПУ, 1998. С. 155–158 с.

Явнова Л.А. Праздники Рождества и Нового года в проекции календарной обрядности второй половины XX – начала XXI в.: традиции и новации (по материалам Алтайского края) // *Традиционная культура*. 2023. Т. 24. № 4. С. 60–72.

Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему. Сборник статей и очерков. М: ИЭА РАН, 2011. 459 с.

References

Abalkina Y.A. Prazdniki 1920–1980-h gg. // *Biiskii raion: istorija i sovremennost': sbornik: v 2 t*, Barnaul, BGPU Publ., vol. 1, 2005, pp. 289–295. (In Russ.).

Aksenova I.Y. Kalendarnaja obrjadnost' vostochnoslavjanskogo naselenija Altaiskogo kraja v 1940-h–1960-h gg. kak rezul'tat transformacii etnokulturnogo samosoznaniya. *Gumanitarnije issledovanija v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2023, no. 4. (66), pp. 42–53. (In Russ.).

Aksenova I.Y. Lokal'nye kalendarnye obychai russkikh Altaja kak otrazhenie sociokul'turnyh processov 1920–1960-h gg. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2022, vol. 29, no. 2, pp. 28–36. (In Russ.).

Biiskii rajon: Istrija i sovremennost': v 2 t, Barnaul, BGPU Publ., 2005, vol. 2, 380 p. (In Russ.).

Bogochanova A.V. Gosudarstvennye preobrazovaniya v sfere prazdnichnoi obrjadnosti v period hrushchevskoi ottepeli. *Etnografiya Altaya i sopredel'nyh territorii*, 2020, Barnaul, AltGPU Publ., v. 10, pp. 319–323. (In Russ.).

Bondarenko S.I. Istoricheskie aspekty osvoeniya celinnyh i zalezhyh zemel': znachenie, opyt, perspektivy (k 60-letiju celinnoi epopei). *Agrarnaja nauka – sel'skomu hozyajstvu: IX mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija (5–6 fevralja 2014)*, Barnaul, RIO AGAU Publ., 2014, kniga 1, pp. 18–22. (In Russ.).

Dubrovskaja M.V. Nekotorye osobennosti vesenne-letnei prazdnichnoi obrjadnosti Altaiskogo raiona. *Etnografiya Altaja: Materialy II nauchno-prakticheskoi konferencii*, Barnaul, BGPU Publ., 1996, pp. 202–207. (In Russ.).

Zolotova T.N. Russkije kalendarnyje prazdniki v Zapadnoi Sibiri (konec XIX–XX vv.). Omsk, OOO «Izdatel'–Poligrafist» Publ., 2002, 234 p. (In Russ.).

Koljaskina E.A., Aksenova I.Y. «Peresborka» maslenichnoi obrjadnosti u russkogo naselenija Altaiskogo kraja v 1950–1980-h gg. v svete kommunikacii vlasti i sel'skogo obshchestva, *Tradicionnaya kul'tura*, 2023, vol. 24, no. 4. pp. 47–59. (In Russ.).

Kuprijanova I.V. Kalendarnaja obrjadnost'. *Zalesovskoe Prichumysh'e: ocherki istorii i kul'tury*, Barnaul, BGPU Publ., 2004, pp. 214–226. (In Russ.).

Lipinskaja V.A. Narodnye tradicii v sovremennyh kalendarnyh obrjadah i prazdnikah russkogo naselenija. *Russkie: semeinyi i obshchestvennyi byt*, Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 92–141. (In Russ.).

Ljubimova G.V. Vozrastnoi simvolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naselenija Sibiri. XIX – nachalo XX vv. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2004, 240 p. (In Russ.).

Motuznaja V.I. Kalendarnaja obrjadnost' staroverov Soloneshenskogo rajona. *Soloneshenskij rajon: ocherki istorii i kul'tury*, Barnaul, BGPU Publ., 2004, pp. 300–307. (In Russ.).

Palevkina E.V. Kalendarnaja obrjadnost' s. Vozdvizhenka Kulundinskogo raiona Altaiskogo kraja. *Uchenye zapiski Altaiskogo gosudarstvennogo instituta iskusstv i kul'tury*, Barnaul, AGIIK Publ., 2002, Iss. 2, pp. 231–234. (In Russ.).

Pan'shina N.G. Kalendarnaja i prazdnichnaja obrjadnost' v selah Bijskogo rajona. *Bijskij raion: istorija i sovremennost'*, Barnaul, BGPU Publ., 2005, vol. 1, pp. 213–255. (In Russ.). (In Russ.)

Rolf M. Sovetskije massovyje prazdniki. Moscow, Rossiiskaja politicheskaja enciklopedija (ROSSPEN) Publ., 2009, 439 p. (In Russ.).

Sigarjova M.N. Zimnii kalendarnyi folklor Petropavlovskogo raiona [Altaiskogo kraja]: (Po materialam ekspedicii 1997–1999 gg.). *Etnografija Altaja i sopredel'nyh territorii*, Barnaul, BGPU Publ., 2001, iss. 4, pp. 166–176. (In Russ.).

Tradicionnaja kul'tura russkogo naroda v period 1920–1930-h godov: transformacii i razvitie. Moscow, Indrik Publ., 2016, 616 p. (In Russ.).

Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obrjady vostochnoslavjanskih narodov Novosibirskoj oblasti kak rezul'tat mezhdnetnicheskogo vzaimodejstvija (konec XIX – XX vv.). Novosibirsk, Agro Publ., 2002, 287 p. (In Russ.).

Scherbakova O.S. Zimnii cikl prazdnichno-obrjadovogo obhoda dvorov _po materialam folklornyh ekspedicii. *Etnografiya Altaya i sopredel'nyh territorii*, Barnaul: BGPU Publ., 1998, pp. 155–158. (In Russ.).

Javnova L.A. Prazdniki Rozhdestva i Novogo goda v proekcii kalendarnoi obrjadnosti vtoroi poloviny XX – nachala XXI v.: tradicii i novacii po materialam Altaiskogo kraja, *Tradicionnaya kultura*, 2023, vol. 24, no. 4, pp. 60–72. (In Russ.).

Cerkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoyaschemu. Sbornik statei i ocherkov. Moscow, IEA RAN, 2011, 459 p. (In Russ.).

Список сокращений

ПААК – Поспелихинский архив Алтайского края

Сведения об авторе / About the Autor

Аксенова Ирина Юрьевна - Младший научный сотрудник ЛГИ НИЧ Новосибирского государственного университета, преподаватель ЦНО ГИ НГУ (ул. Пирогова, 1, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация); e-mail: a_history@mail.ru; Tel.: +7 (383) 330 0537
ORCID 0000-0001-7831-7815

Irina Y. Aksenova - Junior Researcher, LGI Research Institute of Chronology, Novosibirsk State University, Lecturer, Central Scientific Research Center, GI NSU (Pirogov St., 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation); e-mail: a_history@mail.ru; Tel.: +7 (383) 330 0537
ORCID 0000-0001-7831-7815

Some records about seraser fabrics in the Ottoman

Ah. Aytaç

*Aydın Adnan Menderes University
Aydın, Türkiye*

Abstract

All states in the world have tried to classify their historical correspondence according to their type and importance and keep them as archive documents. Written paper has always been considered important by the Turks and efforts have been made to preserve it carefully. In the Ottoman Empire, which lasted approximately 600 years before the Republic of Turkey, care was taken to preserve official documents. Today, the Presidential Ottoman Archives is an important archive center where a large amount of documents are preserved.

Turks brought with them traditional cultures from the geography of Turkestan to Anatolia and the Balkans. Within this culture, there are important textile products that have been introduced to world civilization, from floor mats such as carpets and rugs to precious fabrics. One of the very important and valuable fabrics of the Ottoman period is seraser. There are many documents related to seraser fabric from the Presidential Ottoman Archives.

Keywords

Ottoman, archive, textile, weaving, fabric.

For citation

Aytaç Ah. Some records about seraser fabrics in the Ottoman // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. P. 75–88.

DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-75-88

Несколько замечаний о тканях из серасера в Османской империи

А. Айтач

*Университет Айдын Аднан Мендерес
Айдын, Турция* архивы

Аннотация

Все государства мира стараются изучать и систематизировать весь корпус источников, связанных с их историей, классифицировать ее в соответствии с типом и важностью информации, дискутируется вопрос о новых возможностях ее сохранения. Турки всегда придавали большое значение этому важному источнику и предпринимают усилия по его бережному хранению. В Османской империи, которая существовала за 600 лет до образования Турецкой Республики, также заботились о сохранении официальных документов. Сегодня Президентский архив Османской империи является важным архивным центром, где хранится большое количество документов. Традиционные культуры, бытовавшие на территории средневековой Турции, были широко распространены от Туркестана до Анатолии и Балкан. Одним из важных элементов ее материальной культуры являются текстильные изделия, которые стали достоянием мировой цивилизации, от ковров для пола до драгоценных тканей. Серазер – одна из самых важных и ценных тканей османского периода. В Президентском архиве Османской империи хранится множество документов, связанных с тканью серазер. В статье представлен анализ данного источника.

Ключевые слова

Оттоманская империя, архив, текстиль, ткачество, ткань.

Для цитирования

Айтач А. Несколько замечаний о тканях из серасера в Османской империи // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. С. 75–88
DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-75-88

Introduction

Archive documents belonging to states are very important. Documents that become archives as a result of the preservation of government correspondence and the classification of accumulated documents must be carefully protected. Nations can look to the future with confidence as long as they can preserve the periods and values that came before them. Of course, keeping the national memory alive can be achieved by preserving all kinds of documents and classifying them as archival materials.

Archives and archiving are indispensable for those who do research on sociological, economic, historical and cultural issues or those who seek le-

gal rights [Aren T., 1976. S. 13]. Archives are a kind of memory of nations. Because the past of societies is revealed in a healthy way with the documents stored here [Göyünç, 1973. S. 306]. They document the rights and international relations of states and nations [Binark I., 1994. S. III].

A seemingly insignificant document can shed light on an issue in the nation's history. Archives and the documents they contain are important in order to strengthen the awareness of protecting one's history and past and to reveal past issues objectively. The archive consists of correspondence resulting from daily routine transactions in government institutions. However, these correspondences are not actually archives. Later, the documents separated as a result of classification by experts in the field become archival materials. It is generally accepted as a general rule that 30 years have passed for a document to be considered archival material [Aytaç A., 2014. S. 1].

The history of archiving and librarianship in Turks dates back to Central Asia. It is understood from written documents that in the cities of the Uyghur Turks [Binark I., 1994. S. 2], one of the most civilized nations of the Middle Ages, there were rich libraries, notaries, customs organizations, courts, official offices and archives where official correspondence was stored in these places [Aytaç A., 2014. S. 2].

Due to the respect for written paper in the Turkish-Islamic tradition, all correspondence regarding state transactions, including drafts, have been meticulously preserved [Uzunçarşılı İ., 1984. S. 76]. It is understood from the millions of documents that have survived to the present day that the idea of archives has been present since the earliest times and that archives were given importance, as a tradition from the Anatolian Seljuks [Binark I., 1994. S. 2] and other Turkish states in the Ottoman Empire. It is also known that in 1785, orders were issued in the Ottoman Empire on issues such as the purposes of using documents, their procedures, how and by whom they should be preserved, and the protection of archives [<http://www.egm.gov.tr/arsiv/arsivcilikhakkinda.htm>, 12.09.2008].

The Ottoman Empire lasted approximately 600 years and covered a geography the size of almost 3 continents. Naturally, the importance of archive documents in presenting this period objectively in the light of scientific data is clearly understood. The archive documents of the Republic of Turkey have a richness that is not available in many nations in the world, in terms of the number and quality of more than one hundred million documents. These documents, which concern many nations that remained within the Ottoman geography and are now separate states, are of international importance. During the Ottoman Period, the importance of archives in the administration of the country was realized and archive management was established directly under the command of the Grand Vizier. Archives

created by increasing bureaucratic procedures as a result of expanding geography and state structure were kept in the palace. In 1846, it was transformed into a ministry status under the name "Treasury-i Evrak Nezareti". Preserving and operating the archives at the highest level in this way has enabled the state's records and documents to be meticulously created for centuries, archived regularly and easily made available when needed [Baş I., 2019. S. 40].

On the other hand, Traditional Turkish handicrafts have created a rich mosaic by combining their own balance with the cultural heritage of various civilizations from thousands of years of Anatolia's history [Karakelle A., 2019. S. 669].

When we look at the historical process, weaving appears to be one of the important businesses and arts that is almost as old as humanity. «This art was born as a result of people's need to protect themselves from the cold, to cover themselves and to be adorned [Gürsu N., 1988. S. 17]» Before the invention of weaving, people used leaves [Yağan S., 1978. S. 10], reeds, leaves and grasses combined with fish bones, branches, bones and tree thorns as clothing. People living in cold climates used the skins of the animals they hunted. After the discovery of the knotting technique, it became possible to obtain clothes by knotting the ends of the materials used as fibers and adding them together [Aytaç A., 1997. S. 5]. However, after a short time, it was understood that very few plants had the necessary softness and strength and were useful. Thus, the first steps were taken towards planting the plants

Fig. 1. Seraser fabrics (By: Yardimci Gürcan, Kevser, «Osmanlı Dönemi Dokuma Sanatı Ürünlerinden Örnekler», *International Journal of Cultural and Social Studies*, Volume: 2, August 2016, s. 235.).

they deemed useful and processing them rather than using them as they were obtained [Sarica A., 2012. S. 5].

It is also known that the Turks, who have led the world in textile arts throughout history, have provided excellent examples of textile art for centuries in a wide geography extending from Turkestan to Anatolia and even the Balkans.

Fig. 2. Seraser fabric caftan, Topkapı Palace (by: https://smokethorn.files.wordpress.com/2009/11/image_124122_v2_m56577569831249250.jpg.02.04.2024.18.09).

Fabric art, which is known to have a very old place in Turkish art, was used as the basic material of clothing and interior decoration, especially in sample fabrics from the Central Asian, Seljuk and Ottoman periods, and was shaped and used by master hands. The Ottoman sultans' fondness for magnificent fabrics, based on the Central Asian and Seljuk State rulers, contributed to the development of the textile field [Engin Alpat F., 2010. S. 27–28]. It is known that the Ottoman Empire has been very successful in fabric production since the 15th century, and that it reached its peak in terms of art in the 16th and 17th centuries, and still produces fabrics

of irreplaceable quality. Fabrics called «seraser» have a special place and importance in the textile production of the Ottoman period, which had a wide variety of fabrics.

Seraser is woven with gold and silver wire and is the most valuable of its types. Seraser is a weft-faced silk fabric. It is embroidered all over with gold and silver wires. The pattern consists of reinforcing wefts attached to the warp wires straight from the bottom. During the pattern formation, the gold alloy wire is wrapped and woven with ivory colored silk. These precious threads are used only in the pattern part, alternately, to avoid wastage of metal. The difference between seraser, which is a very expensive fabric, and kemha, is that it is woven with gold or silver wire instead of klaptan, and the patterns are very different [Sergin S., ÖnlüN., 1994. S. 49].

In the 1640 narh, seraser occupies a large place and the types of silk and the amounts of gold and silver wire are written in detail; one square meter contains 59.986631 grams of gold, 89.979946 grams of silver, 189.38636 grams of Iranian silk and 46.275401 grams of Bursa silk has [Kütükoğlu S., 1983. S. 62–63]. It is also known that at that time, for example, in Bursa, silk weaving masters were paid on a piece-rate basis. In 1584, a weaver who produced velvet, called Çatma or Dolma, was paid 100 Akçe for a piece worth 1000 Akçe [Dolsar F., 1960].

Presidential Ottoman archive

It is understood from the series of notebooks that have survived from the Ottoman Empire period to the present day, with 95 million documents and around 400 thousand in the archive alone, both from the way the documents were arranged, that they were preserved with great precision, and from the orders or regulations regarding the correspondence at all levels of the bureaucracy to be recorded in the notebook, that the Ottoman Empire has existed since its foundation. Since then, it has attached great importance to preserving official documents [Anonim, 2017. S. 3].

The archive documents that are the subject of the research are from İbnülemin Ministry of Foreign Affairs, Ali Emiri Sultan IV. It was selected within the documents of Mehmed and Topkapı Palace Archive Museum.

İbnülemin's Ministry of Foreign Affairs Document:

The classification committee, established under the chairmanship of İbnülemin Mahmud Kemal, has classified the documents according to their subjects since 1921. İbnülemin's Classification is grouped under 23 main sections, and each topic follows a rough chronological order within its own section [Anonim, 2017. S. 419].

Fig. 3. Presidential Ottoman Archive, Kağıthane-İstanbul (by: AYTAÇ, Ahmet, «Cumhurbaşkanlığı Osmanlı Arşivleri'nde Hatay (Antakya) İpekçiliği İle Alakalı Bazı Belgeler», *Uluslararası Zanaattan Sanata Kongre ve Jürili Karma Sergisi*, 14-16 Aralık 2021, Uşak-Türkiye, s. 284).

Ali Emiri Sultan IV. Mehmed Document:

II. It begins after the declaration of the Constitutional Monarchy and especially after the appointment of Abdurrahman Şeref Bey to the position of chronicler and the establishment of the Ottoman History Committee. A committee established under the leadership of the council and under the chairmanship of Ali Emiri Efendi continued the classification work between 1918 and 1921. In this classification, called "Ali Emiri Classification", the documents are separated according to the order of the sultans, and the documents belonging to the sultans from Osman I to the reign of Abdülmecid are listed in a chronological order. The classification, in which 180,700 documents are recorded, has fifty-three catalogs written in Arabic letters [<https://islamansiklopedisi.org.tr/basbakanlik-osmanli-arsivi>.08.03.2024.13.56.].

Topkapı Palace Archive Museum Documents:

Topkapı Palace, whose construction was completed in 1478, was the main palace of the Ottoman Empire until the use of Dolmabahçe during the reign of Sultan Abdülmecid. The Palace, which was an extremely important administrative center for the Ottoman Empire for 400 years, is also one of the most important centers where many documents were produced in the Ottoman Empire and passed down to the present day. There are more

than 200 thousand documents in this archive, the oldest of which dates back to the time of Orhan Gazi. These documents were digitized in the early 2000s, and a summary of the documents began to be produced since 2010 [<https://kod-a.com/blog/turkiyedeki-onemli-arsivler/30.01.2024.14.26.>].

Some document examples related to seraser fabric

First document:

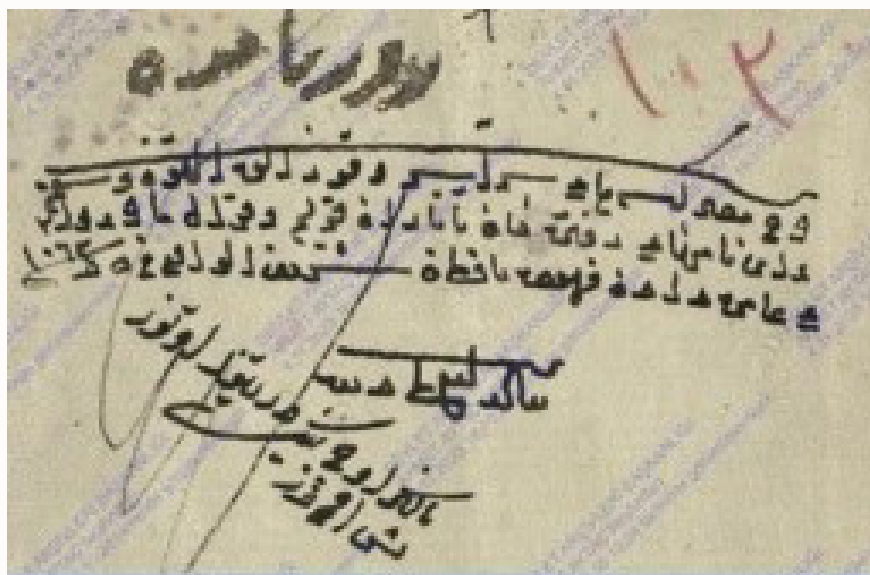

Fig. 4. First document

İbnülemin's Ministry of Foreign Affairs documents, 1 file, document numbered 103 shirts, dated 07.11.1062 (10 October 1652) «Purchase of seraser fabric envelopes and candle holders, gold and silver to place the names and books to be sent to the Crimean Khans and the Hungarian King» receipt for the funds given for.

Second document:

Ali Emiri Sultan IV. Mehmed document, file number 59, shirt number 6930, dated 15.12.1087 (February 18, 1677) is about «the reimbursement from the Imperial Treasury of the expense of three rolls of seraser fabric

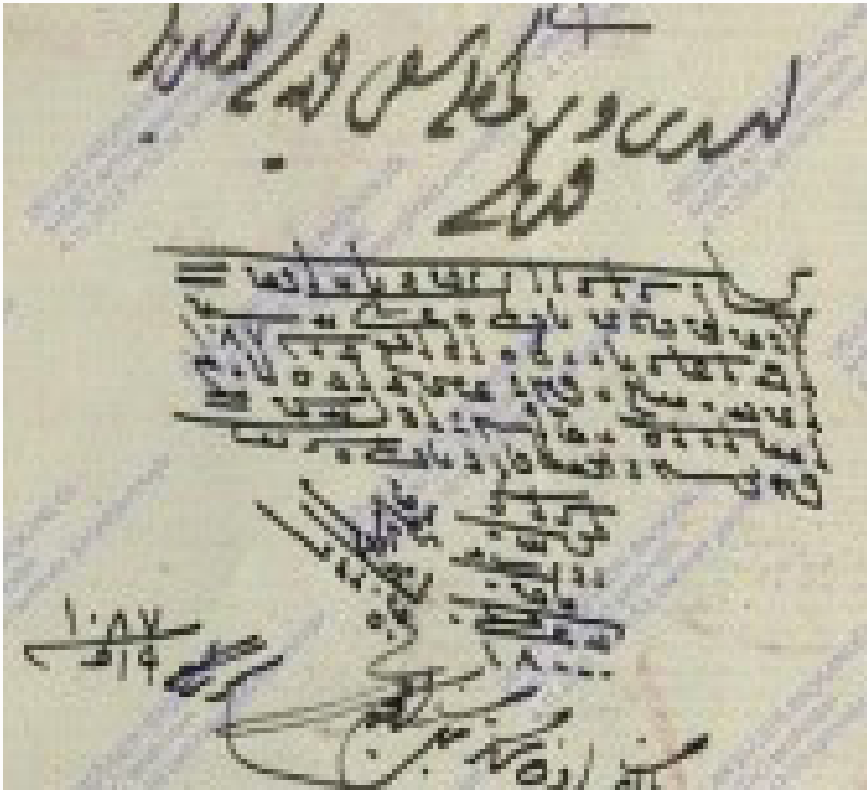

Fig. 5. Second document

purchased as room door curtains for the seven-room woman of Bazergan Ahmed Agha».

Third document:

Topkapı Palace Archive Museum documents, 800 files, numbered 4 shirts, dated 18.07.1058 (08 August 1648) contain the following: «Human lines on white, written in his own handwriting by Sultan İbrahim to the Grand Vizier and various persons regarding state affairs,, III. There is information such as the marriage of Murad's daughter Fahriye Sultan,, sending a name to the Sheriff of Mecca and the preparation of two seraser hilat (caftan made of fur and precious fabric) from the fabrics in the inner treasury, ... ».

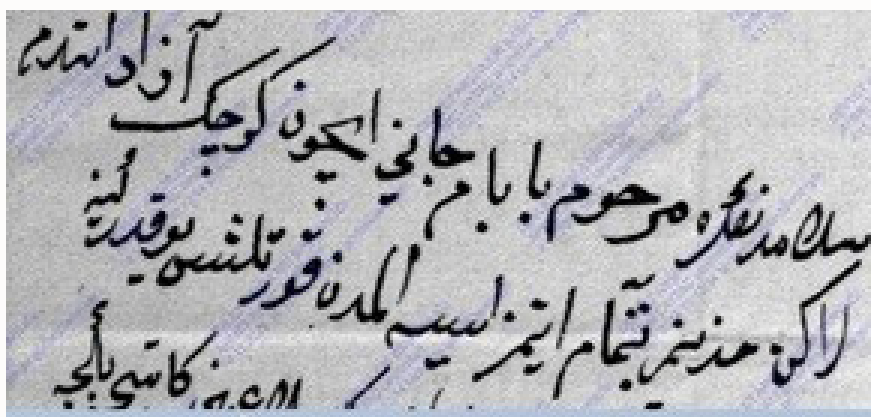

Fig. 6. Third document

Fourth document:

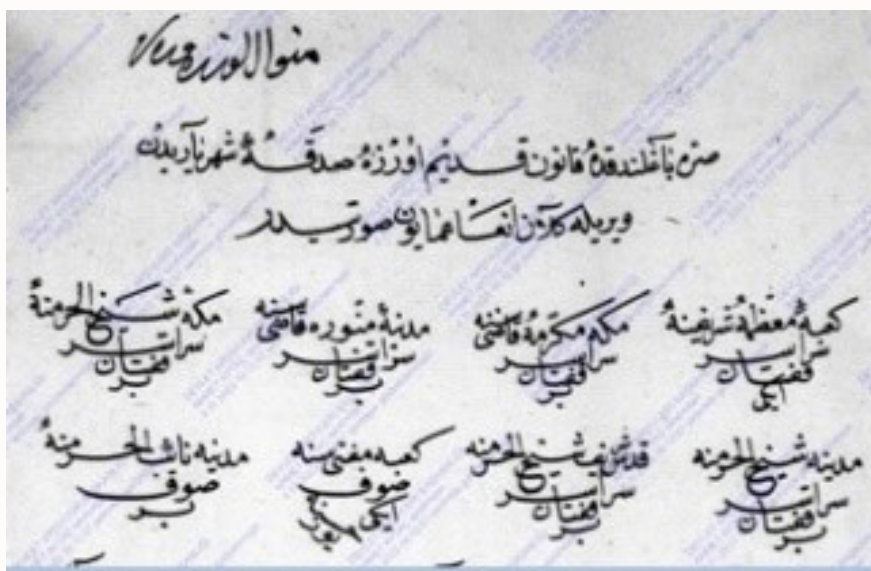

Fig. 7. Fourth document

In the Harç-ı Hassa notebook, file number 2352, dated 21.06.1075 (09 January 1665), in the Topkapı Palace Archive Museum documents, there is information about «the seraser caftans, sofs, fabrics and their prices and five hundred gold coins given for Surre».

Fifth document:

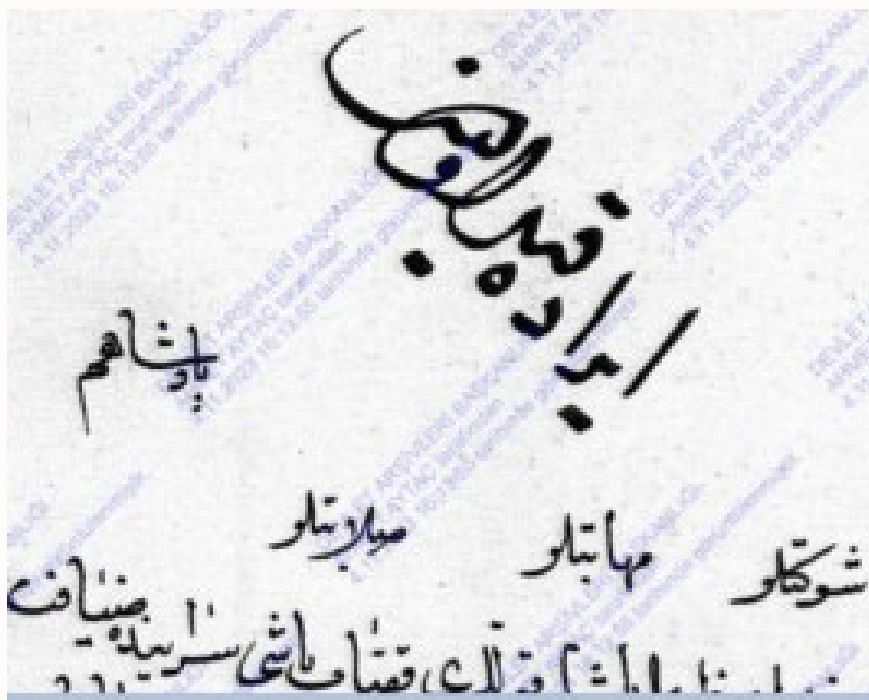

Fig. 8. Fifth document

The Topkapı Palace Archive Museum document, file number 2352, dated 01.07.1120 (16 September 1708), is about "the will record of the murassa wreath (engagement adorned with precious stones), seraser pillows and fabrics given as a gift by Grand Vizier Ali Pasha at the banquet he gave."

Sixth document:

Topkapı Palace Archive Museum document, file number 2344, dated 29.09.1077 (25 March 1677), is about «the serasers processed as traps for the Sultan and fur covering for the Sultans during the Ramadan of 1077 (1677), the furs purchased, and the fabrics purchased for the dresses of the princes for the Eid».

Conclusion

The documents separated as archive materials as a result of classification are now more than ordinary written papers, they are now official documents

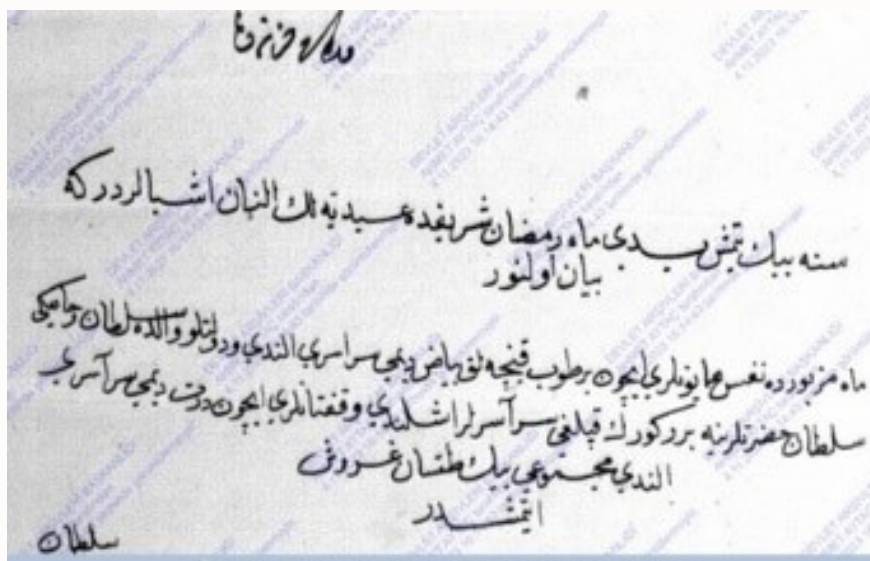

Fig. 9. Sixth document

containing important recorded information and must be preserved and protected in their current form. Of course, archive documents have social, cultural, economic and legal or official importance. Throughout history, Turks have been sensitive about archiving and over time, they have taken precautions regarding archiving, developed methods and established institutions and organizations related to the subject.

The Ottoman Empire also respected written paper in this sense. All kinds of official documents have been carefully preserved. It is known that the Turks pioneered the world civilization in many areas of textile, from carpets to clothing fabrics, within the weaving culture they brought from Turkestan geography to Anatolia and the Balkans. One of the most important fabric types during the Ottoman period was the fabric called seraser. Archival documents also prove that this fabric had a special importance, especially within the palace, at that time.

It is understood that a very valuable fabric such as Seraser was used even in the covering of gift boxes or bundles to be sent to foreign heads of state, highlighting the wealth of the state, and was even used on the door curtains of the palace. Archival documents also prove that hilats were sewn from seraser fabric, pillow cases were prepared, and even the clothes of female sultans were made from seraser fabric.

Статья поступила в редакцию
Received
07.05.2024

Reference

- Aren T.** Arşiv Problemleri ve Arşivcilik, Ankara, 1976.
- Göyünç N.** Türk Kültür Tarihi Bakımından Arşivlerimizin Önemi. Belleten, XXXVII/147, Temmuz 1973. S. 305–319.
- Binark I.** Türk Arşivlerinin Kısa Tarihçesi ve Devlet Arşivleri Genel Müdürlüğü'nün Faaliyetleri, Ankara, 1994.
- Aytaç A., İlbak M.** Başbakanlık Osmanlı Arşivleri'nde El Dokumalarına Dair Önemli Kayıtlar, İstanbul Büyükşehir Belediyesi Yayınları, İstanbul, 2014.
- Uzunçarşılı İ., Zungçarşılı I.** Osmanlı Devletinin Merkez ve Bahriye Teşkilatı, Ankara, 1984.
- Baş İ.** «Osmanlı'dan Günümüze Türkiye'de Arşivlerin Oluşumu Ve Türk Arşivlerinde Araştırma Hizmetleri», Ankara Üniversitesi Türk İnkılâp Tarihi Enstitüsü Atatürk Yolu Dergisi, S: 64, Bahar 2019. S. 39–68.
- Karakelle A., Özbağı T.** «Somut Olmayan Kültürel Mirasın Korunması Bağlamında Çeyiz Geleneği «Erzurum Örneği», Türkiye Sosyal Araştırmalar Dergisi, Yıl: 24, S: 3, 2019. S. 668–689.
- Gürsu N.** Dokumacılık Sanatı Çağlar Boyu Desenler, İstanbul, 1988.
- Yağan Ş.** Türk El Dokumacılığı, İstanbul 1978.
- Aytaç A.** Çetin, El Dokumacılığı, İstanbul 1997.
- Sarıca A.** 13–16. Yüzyıl Anadolu Türk Dokumalarında Geleneksel Desenlerin Analizi. Trakya Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Sanat Tarihi ABD Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi, 2012.
- Engin Alpat F.** Osmanlı İmparatorluğu'nun 15. Yüzyıl ve 18. Yüzyıllar Arası Saray Kumaşlarında Kullanılan Bitkisel Üslup. Sosyal Bilimler Dergisi, 2010. S: 1. S. 27–50.
- Yardımcı Gürcan K.** Osmanlı Dönemi Dokuma Sanatı Ürünlerinden Örnekler. International Journal of Cultural and Social Studies, Volume: 2, August 2016. S. 219–241.
- Sezgin Ş., Önlü N. Osmanlı Klasik Dönem İpekli Saray Kumaşları. Tekstil ve Mühendis Dergisi, Cilt: 8 Sayı: 44, 1994. S. 48–51.
- Kütükoğlu S.** Mübahat, Osmanlılarda Narh Müessesesi (1640), İstanbul, 1983. S. 62–63.
- Dalsar F.** Türk Sanayi ve Ticaret Tarihinde Bursada İpekçilik. İstanbul, 1960.
- Anonim.** Başbakanlık Osmanlı Arşiv Rehberi, İstanbul, 2017.
- Aytaç A.** Cumhurbaşkanlığı Osmanlı Arşivleri'nde Hatay (Antakya) İpekçiliği İle Alakalı Bazı Belgeler. Uluslararası Zanaattan Sanata Kongre ve Jürili Karma Sergisi, 14–16 Aralık 2021, Uşak-Türkiye, S. 282–284.

Сведения об авторе / About the author:

Aytaç Ahmet, Assist. Prof. Dr., Aydın Adnan Menderes University Faculty of Education, Department of Fine Arts Education, (Zafer, 09010 Efeler/Aydın, Türkiye)

Айтач Ахмет, ассистент профессора, доктор, Университет Айдын Аднан Мендерес Айдын, Педагогический факультет, Департамент художественного образования (Зафер, 090106 Эфелер, Айдын, Турция) cicimsumak@gmail.com

УДК 75.03

DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-89-106

«Китайские страницы» дневников Григория Ликмана

М. В. Прокопьев

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Впервые вводятся в научный оборот фрагменты дневников известного новосибирского художника Григория Густавовича Ликмана (1954 и 1960 гг.), представляющие собой публицистическое осмысление событий советско-китайского культурного обмена, в которые художник оказался вовлечен. Эти страницы отражают общие моменты рецепции китайской культуры советской творческой интеллигенцией; они содержат яркую эмоциональную реакцию на совершенно иную культуру, в том числе визуальную. При этом у Ликмана анализ впечатлений и фиксация их в тексте сопровождаются применением новых знаний на практике: художник пробует соединить принципы традиционной китайской живописи (стремление к передаче сущности изображаемого, особую выразительности движения кисти, спонтанность) с уже сложившейся собственной художественной манерой. Дневниковые записи и зарисовки Ликмана свидетельствуют о живом интересе к новым живописным и декоративно-прикладным техникам и являются важным источником для заполнения лакун творческой биографии этого очень многогранного художника. Анализ дневников подтверждает наблюдения искусствоведов, сделанные на материале живописи и графики: не только бытовые, камерные, но и общественно-значимые сюжеты художник старался осмыслить в лирическом ключе.

Ключевые слова

Ликман, дневник художника, сибирское искусство, советско-китайские культурные связи, живопись гошуа

Для цитирования

Прокопьев М. В. «Китайские страницы» дневников Григория Ликмана // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. С. 89–106
DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-89-106

«Chinese pages» in the diaries of the artist Grigory Likman

M. V. Prokopyev

*Novosibirsk National Research State University
Novosibirsk, Russia*

Abstract

The article analyses fragments of the diaries of the famous Novosibirsk artist Grigory Gustavovich Likman (1954 and 1960), which represent a publicistic reflection on the events of the Soviet-Chinese cultural exchange in which the artist was involved. These pages reflect the general moments of the Soviet creative intelligentsia's reception of Chinese culture; they contain a vivid emotional reaction to a completely different culture, including visual culture. At the same time, Likman's analyses of his impressions and their recording in the text are accompanied by the application of new knowledge in practice: the artist tries to combine the principles of traditional Chinese painting (the desire to convey the essence of the depicted, the special expressiveness of brush movement, spontaneity) with his own already established artistic style. Likman's diary entries and sketches testify to his keen interest in new painting and decorative-applied techniques and are an important source for filling in the gaps in the creative biography of this very versatile artist. The analysis of the diaries confirms the observations of art historians made on the material of painting and graphics: the artist tried to comprehend socially significant subjects in a lyrical way as well as he comprehended domestic subjects.

Keywords

Likman, artist's diary, Siberian art, Soviet-Chinese cultural relations, Gohua painting.

For citation

Prokopyev M. V. «Chinese pages» in the diaries of the artist Grigory Likman // *Univsum Humanitarium*. 2024. № 1. P. 89–106.
DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-89-106

Введение

Личность и творчество новосибирского художника Григория Густавовича Ликмана (1904–1991) в последнее время привлекают все больше внимания и искусствоведов, и широкой публики. При этом многое в художнике до сих пор остается загадкой. Один из признанных мастеров социалистического реализма, он отдал дань авангарду; он мог быть и карикатуристом, остро чувствующим «злобу дня», и тонким лириком; он находился на острие общественной и художественной жизни в межвоенные и послевоенные годы, имея совер-

шенно неподходящее для этого социальное происхождение; он пережил две войны, голод, эпидемии, но непрерывно работал, оставив потомкам произведения самых разных жанров живописи и графики. Он профессионально владел несколькими музыкальными инструментами, голосом, литературным словом. При этом «единственный из художников Новосибирска он занимался непопулярным в среде живописцев прикладным искусством, резьбой по дереву, изготовлением разных забав для домашнего употребления» [Муратов, 2010. С. 138–139].

В настоящее время интерес к наследию Ликмана постоянно растет. На этом фоне представляется актуальным обращение к источнику, проясняющему не только отдельные моменты его биографии, но и общие особенности подхода к вопросам творчества, этапы формирования его индивидуального стиля. Таким источником являются дневники художника. В долгосрочной перспективе они нуждаются в комплексном всестороннем изучении, но здесь хотелось бы сфокусироваться на одной теме, которая дважды оказывается в поле зрения автора и оба раза рассматривается очень подробно. Это тема советско-китайских культурных связей, которая для Ликмана оказывается не только общественно-значимой, но также важной в эмоционально-личностном плане и творчески стимулирующей. Определение места китайских впечатлений в творческой биографии художника является предметом настоящей статьи. Материалом исследования послужили до сих пор не опубликованные письма и дневники, а также работы художника, хранящиеся в частных собраниях [Ликман, 1954; Ликман, 1960а; Ликман, 1960б].

Григорий Ликман посетил Китай в составе советской делегации в 1960 году. Из поездки он привез более тридцати акварелей, карандашных набросков и зарисовок тушью, а также тетрадь с записями, озаглавленную «Поездка в Китай» – дневник путешествия, в котором он подробно описывает и анализирует свои впечатления. События, описанные в дневнике, относятся ко времени свертывания интенсивных культурных обменов между СССР и КНР, но охлаждение отношений, которое в 1960 г. дало о себе знать, никак не отражено на страницах ликмановской тетради. Китайская тема в ней звучит так же жизнеутверждающе, как и в более ранних записях – на страницах дневника 1954 года, рассказывающих о приезде китайской делегации в Новосибирск.

Для того чтобы судить о значении китайской темы для художника, необходимо не только сопоставить визуальную и вербальную составляющую ликмановского травелога и понять, как автор анали-

зирует свои впечатления писательскими средствами и средствами живописными, но и выявить особенности собственно дневникового текста, который строится на соединении двух стилей. Один из них публицистический, другой, наоборот, камерный. Первый используется для описания впечатлений общественно-значимых событий, второй – для отражения семейных, бытовых моментов, но и тот и другой объединены общим лирическим началом.

Это представляется неслучайным. Среди коллег-художников Григорий Ликман выделялся не только разносторонними интересами. Искусствоведы отмечают тонкий лиризм, который проявлялся даже в историко-революционных сюжетах. Уже в 1920-е годы, в графических портретах, он проявляет себя как внимательный психолог, умеющий несколькими верными штрихами передать личность [Ковалев, 2024. С. 228]. В дальнейшем он постоянно совершенствуется в этом искусстве. По предположению В.Н. Чимитова [Ларин, 2024], именно ориентация на лирическое, камерное начало и в жизни, и в творчестве помогла художнику избежать репрессий и опасностей крутых поворотов как политической, так и художественной жизни эпохи, органично вписаться сначала в изменившуюся реальность 1930-х годов [Овчинникова, 2018], а затем в реальность послесталинскую. В 1950-х с возрождением интереса к индивидуальности, частной жизни отдельного человека Ликман получил возможность по-настоящему последовательно развивать в творчестве камерные, бытовые, повседневные темы. Интересно проследить, как эта камерная оптика повлияла на его восприятие китайской культуры.

Страницы дневника Григория Ликмана 1954 г.

Запись в дневниковой тетради 1954 года, озаглавленная «Встреча с китайской делегацией», резко выделяется в массе кратких ежедневных заметок: она выглядит как готовый материал для газетной или журнальной статьи. Текст открывается подчеркнуто торжественным зачином, который завершается очень лирично: «Для того чтобы описать и передать ту взволнованность, подлинную дружескую атмосферу, царившую на встрече с китайской делегацией в день 14 июня 1954 г. в Новосибирском театре оперы и балета, нужны могучие литературные средства, богатый, яркий язык. Да и то, право, можно ли выразить средствами литературы, обыкновенным человеческим языком те огромные чувства и то волнение, охватившее человеческие сердца в этот торжественный день встречи русского с представителями китайского свободного народа. Можно ли найти

в нашем большом словарном [запасе] те выражения и слова, которые доподлинно передавали бы ту щемящую до боли вспыхнувшую радость. Нет! Нет таких слов! Чувств человеческих, их тончайшие движения в минуты радости – передать невозможно» [Ликман, 1954, запись от 14 июня].

Также перо журналиста узнается в описании момента встречи: «Мы проходим в кабинет директора оперного театра, где встречаемся с группой китайских друзей. Черные сверкающие глаза и широкая добрая улыбка. Изумительные китайки: грациозные, в яркой одежде, с матово-бледным цветом лица и сверкающей белизной зубов – они как искусное, живое изваяние природы просто, с сияющей улыбкой отвечают на приветствия. Иные сами подходят и пожимают руку. И вместе с дружеским пожатием ты слышишь произнесенное по-русски, несколько растянутое: «здла-а-сте». И в этом «здла-а-сте», произнесенном с большой теплотой, выражено все: и радость сегодняшней встречи, и гордость и торжество происшедших событий, спавших навеки два могучих народа» [Там же].

Посреди этих официально-торжественных строк проскальзывает собственно ликмановская тема, которая оказывается немаловажной в китайском контексте – это живой интерес к прикладному искусству и внутреннее сопротивление его принижению: «Но вот гости уходят: их пригласили для участия в президиуме. Мы некоторое время задерживаемся – разглядывая подарки, преподнесенные оперному театру, пользуясь нашей старой терминологией – ширпотреб. Но как тонко, изящно все это выполнено, сколько вкуса художественного вложено в эти пустячные вещички» [Там же].

Ликман отдельно и довольно подробно останавливается на сцене обмена подарками, которую описывает очень живо: «Наши чрезвычайно скромные подарки: большой бархатный альбом с дарственной надписью, дополненный фотографиями с работ художников, этюда: Тютикова (Алтай) и мой (зимка с лошадью), небольшая гипсовая фигурка «Первоклассница» Меньщикова, были давно завернуты.

<...>Чрезвычайно радостно и взволнованно прошло преподношение подарков. Под шум аплодисментов, сердечных улыбок, крепких рукопожатий проходила эта церемония преподношений. Общая взволнованность создала некоторую поспешность, торопливость и замешательство. Люди буквально хватали находившиеся на столе подарки, не разбирая того, кому они принадлежат, и тащили на сцену, на стол президиума. Кто-то торопливо выхватил из числа наших подарков гипсовую скульптуру «Школьницы» Меньщикова, оставив его с недоуменным, несколько растерянным лицом: ведь ему так хотелось

самому преподнести дарственную вещь. Еще накануне он любовно обрабатывал каждую деталь фигурки. Все получилось неорганизовано, хаотично, все планы, весь распорядок преподавательских занятий, с сообщением двух слов о каждой делегации, все было нарушено нахлынувшей волной радостных чувств» [Там же].

Запись от 14 июня завершается описанием концерта в Оперном театре с участием советских и китайских артистов.

Рассказ о визите китайской делегации в мастерские художников содержится в записи следующего дня. В ней фигурирует Михаил Александрович Мочалов (1904–1969), активный деятель Новосибирского союза художников: «Сегодня Мочалов с утра начал беспокоиться и добиваться того, чтобы китайская делегация посетила нас, побывала у нас в мастерских. И вот вечером в 8 часов мы аплодисментами встречали четырех представителей этой делегации. Это были: ректор Академии художеств, профессор Академии, карикатурист и корреспондент, зам. пред. союза китайских художников» [Ликман, 1954, запись от 15 июня].

В начале записи вновь возникает тема народного декоративно-прикладного искусства: «Познакомившись с гостями, уселись плотным кругом за столом, на котором стояли в китайской вазе и русском хохломском бочонке большие букеты сирени. Потекла оживленная беседа <...>

– У нас китайские художники еще в стороне стоят от жизни, обособленно занимаются искусством ради искусства и далеки от того, чтобы пойти на производство, в с/хоз. У нас искусство еще слабо развито.

– А это? – говорит кто-то, показывая на китайскую вазу, стоящую на столе с букетом сирени.

– Это веками созданное народное творчество, оно далеко вперед идет, и современным китайским художникам догонять его надо» [Там же].

К этой теме и этому диалогу художник вскоре возвращается: «В своей мастерской я показал им одну из имеющихся у меня китайских ваз, работа которой меня чрезвычайно интересовала и материалом, из которого она приготовлена, и количеством труда, времени, потраченного на нее. Надо было видеть, как оживились их лица, когда они увидели интерес, проявленный к их творчеству и их родине. Тут я узнал, что ваза, особенно интересующая меня, приготовлена из особой лаковой массы и вырезалась в течение 5–6 дней. Последнее время стали образовываться артели, которые объединили целый ряд кустарей, занимающихся народно-прикладным искусством» [Там же].

Заканчивается запись словами: «Встреча с китайскими друзьями внесла какое-то оживление, новизну в наши однообразно, монотонно текущие дни. Хоть ненадолго повеяло свежим ветерком от этой встречи» [Там же].

Дневник Григория Ликмана «Поездка в Китай» 1960 г.

Записи в дневнике начинаются с 13 октября 1960 года. С первых же строк художник явно обращается к будущему читателю, детально описывая обстановку, стараясь максимально точно наметить портреты собеседников и попутчиков, с тем чтобы вызвать у читателя чувство причастности к событиям. Описывая приготовления к поездке, художник говорит как журналист: «Давнишней мечтой моей было побывать в Китае. Да и кому не интересно побывать в стране, сбросившей со своих плеч всего десятки лет назад гнетущее прошлое, и смотреть в прекрасное завтра, а когда верит народ, можно творить прекрасные чудеса. В этом нас убеждает опыт и дела китайской жизни» [Ликман, 1960а. С. 1].

Сила впечатлений становится предметом для размышления: «Я не в состоянии описать той красоты, того великолепия, которое предстало сегодня перед нашим глазами. Да и в состоянии кто-либо даже из великих художников слова довести до яркого представления то, что создано лишь для непосредственного созерцания. Лишь непосредственное созерцание дает подлинное наслаждение, подлинное эстетическое удовлетворение» [Ликман, 1960а. С. 60].

В письме к жене от 26 октября 1960 года Ликман передает те же эмоции более непосредственно: «Таисия, дорогая, так много здесь интересного, что никакими литературными богатствами, никакими литературными гениями невозможно все это описать. Можно только описать восторг от всего увиденного, даже в голове страшнейший сумбур <...>» [Ликман, 1960б, письмо от 26 октября].

Одна из наиболее интересующих художника сторон жизни Китая – возрождение народного искусства и ремесел. В записи от 21 октября он подробно рассказывает о знакомстве с ковроткачеством: «19 октября мы с утра отправились на ковровую фабрику. И в течение трех часов познакомились с производством замечательных тяньцзинских ковров. Сложный трудоемкий процесс работы, из которого большая часть работы приходится на ручной труд.

Очень интересен процесс ткачества. Мастер сидит на значительной высоте, выше человеческого роста. Перед ним натянута основа

ковра, сзади этой основы в натуральную величину ковра находится рисунок. Он просматривается сквозь натянутую основу.

Слегка наведя на основу легкий контур рисунка, мастер начинает вплетать в основу цветную пряжу – уток. В зависимости от того, сколько цветов в ковре, столько клубков ниток (пряжи) находится у него над головой. Вплетая несколько рядов пряжи, он утрамбовывает его граблеподобным инструментом и опять начинает дальше вести рисунок.

Ковры основательно промывают в больших ваннах, после чего они становятся ярче и приобретают блеск. Подстригают их большими ножницами. Наподобие тех, что стригут овец. Все это делается на полу. Один ковер стригут несколько человек. За последнее время рабочие рационализировали этот процесс, сделав эти ножницы электрическими.

Прочность этих ковров исключительная – пятьдесят лет может служить этот ковер» [Ликман, 1960а. С. 39–40].

Несколько раз в дневнике возникает тема торговли декоративными ремесленными изделиями, подобная записи от 22 октября: «Посетили мы большой универмаг – пассаж. Какое изобилие разнообразных, художественных изделий! Фаянс, фарфор, гончарные изделия, изделия из бамбука, кости, нефрита. Изделия из лака, серебра, шелка, что вплоть до вырезок из бумаги, что невозможно все это описать. Некоторые не удержались, чтобы кое-что приобрести, но я решил оставить все это до Пекина. В пути все это мешало бы» [Ликман, 1960а. С. 53–54].

Тема знакомства с техникой традиционной китайской живописи возникает в записи от 23 октября. В этот день художник сделал несколько рисунков, пробуя полученные знания на практике (рис. 1).

Приведем эту запись целиком: «Утро. Группа разделилась: одна поехала в парк на озеро, другая – в художественный институт. Я выбрал институт. Неудобно все же оставлять без внимания приглашение, тем более что на озере все равно собирались побывать.

В институте нас уже поджидали и директор, и профессура, и другие лица. При выходе из машины нас окружила группа студентов. Все они почти в простом синем одеянии, на левой стороне груди эмалевая белая пластинка (студенческий знак). У преподавателей красный значок.

За столом за стаканом чая директор познакомил с институтом. Он организован в Нанкине в 1958, раньше он был в городе Уси. Институт имеет 4 художественных отдела и 4 музыкальных. Учится 786

Рис. 1. Г. Ликман. На реке Янцзы. 23 октября 1960 г. Бумага, тушь.

Размер 230 × 365 мм

Fig. 1. G. Likman. On the river Yangtze. 23.10.1960. Ink on paper. 230 × 365 mm

человек. Имеются отделения гохуа, масло прикладное, керамика. Начинают производить лаки.

Затем китайские друзья познакомили нас с работой приемом го-хуа.

Процесс работы проходит следующим образом. Тонкая рисовая бумага кладется на мягкую подстилку. Растирается тушь[ь], готовится аквар.[ель], краски в гончарных тарелочках и сразу без рисунка начинают разбрасывать пятна в виде листьев, плодов веток. Быстро мешаются две краски – красная и желтая – и сразу наносится на бумагу. Причем это надо сделать сразу, поправок никаких не допускается, да их и невозможно сделать на таком капризном материале. Персики (эмблема долголетия) готовы, появляются листья, красные ягоды, спускающаяся из вазы ветка сосны. Черная тушь – основной цвет в живописи гохуа. Лозунгом с левой стороны листа заканчивается работа.

Директор также сделал рисунок. Но рисунок его получился тоньше, изысканней.

Тепло распрощавшись с милыми хозяева[ми], мы отправились в парк на озеро. Сделать здесь почти ничего не пришлось, до обеда оставалось мало времени. Сегодня выходной день, поэтому народу было много на озере в парке. Что особенно бросается в глаза – это

чрезвычайно скромное одеяние китайского народа. Преобладает синий цвет. Женщины все в брюках.

После обеда ездили в кат. по Янцы-узянь. Тут сделал несколько набросков. Река очень широкая. Вода в ней грязно-желтого цвета.

Джонки со своеобразными парусами снуют по широчайшей реке. Прогулка была интересная, освежающая» [Ликман, 1960а. С. 56–59].

Рис. 2. Г. Ликман. На реке Янцзы. 23 октября 1960 г. Бумага, акварель.

Размер 175 × 278 мм

Fig. 2. G. Likman. On the river Yangtze. 23.10.1960. Watercolor on paper. 175 × 278 mm

Выполненный в этот день этюд реки Янцзы – это живая, энергичная акварель (рис. 2), представляющая древнюю реку, по которой проходят как традиционные китайские лодки с парусами, не менявшие своего облика за века, так и современные суда – их Ликман изображает на дальнем плане как символ впечатлившего его в китайской культуре сочетания традиций и новейших достижений. Пробуя приемы гошуа, художник использует разнообразные по направленности, интенсивности и насыщенности линии, которые обладают почти непрерывной текучестью, объединяя все художественное пространство. В технике гошуа Ликман увидел еще одно соединение старого и нового: проникших в начале 20 века в китайское изобразительное искусство объема и светотени, трехмерности и линейной перспективы с одной стороны и характерных для китайской традиционной живописи линейного и цветового ритма, выразительности линии

и пятна, тонкости эмоциональных ассоциаций [Чень Мей-Фень, 1995. С. 6]. Сюжет изображаемого стал более бытовым, при этом сохранялась спонтанность, стремление к передаче сущности изображаемого, прозрачность мазка и линии. Для Ликмана освоение этой техники стало процессом естественным и логичным.

К теме гохуа он возвращается 26 октября при описании поездки в Шанхай: «После обеда были на выставке художников, где представлены были работы и в масле, и в старинной манере гохуа. Если в прошлом художники с помощью техники гохуа изображали несложные сюжеты из мира животных, птиц и растений, передавали пейзаж немного условно, в духе старых традиций; то сегодня Китай предоставляет к художникам иные требования: идти в ногу со всем передовым народом Китая, а это значит быть выразителем его чаяний, его идей, его дел. И к чести китайских художников надо сказать, что методом гохуа прекрасно можно решать темы сегодняшнего дня. На выставке мы видели большие многометровые листы, композиционно решенные динамично и выразительно. Здесь и индустриальная тема, и сельское хозяйство, и дети в труде, помогающие взрослым. Китайские художники прекрасные рисовальщики, а это дает возможность сделать произведения убедительными и сильными. На выставке были представлены работы и самостоятельных художников» [Ликман, 1960а. С. 70].

Яркое впечатление произвела на художника поездка 24 октября в Сучжоу, запечатленная им в ряде акварелей: «Еще вчера вечером, когда мы возвращались после ужина – в павильоне против гостиницы познакомились с некоторыми сувенирами местного производства. Очень понравилась резьба по дереву. А сегодняшний день потряс нас виденным. Я не в состоянии описать той красоты, того великолепия, которое предстало сегодня перед нашим глазами. Да и в состоянии кто-либо даже из великих художников слова довести до яркого представления то, что создано лишь для непосредственного созерцания. Лишь непосредственное созерцание дает подлинное наслаждение, подлинное эстетическое удовлетворение. Китайцы его называют раем на земле. В Сучжоу посетили ряд парков (4–5), но это капля в море, если сказать, что их здесь 82» [Ликман, 1960а. С. 59–60].

В этой и многих других записях художник помимо описаний и анализа впечатлений приводит точные цифры, детально фиксируя информацию, полученную в ходе визитов на предприятия, встреч с китайским руководством, посещений музеев, выставок, школ, коммун и детских садов: «С утра мы отправились в научно-исследовательский институт кустарной промышленности. И то, что мы увиде-

ли, с чем нас познакомили – потрясло всех; настолько богато по своей выдумке, фантазии, настолько совершенно по своему мастерству производство изделий этого комбината.

Несколько слов о его организационной стороне. В институтах работают народные мастера по искусству. Институт имеет 4 отделения. I отд. – национальн.[ая] живоп.[ись] гохуа. II отд. – экспериментальная мастерская по производству вышивки. III отд. – шелковые ткани, гобеленовая вышивка, отд. – резьба по дереву. IV отд. – подготовка рабочих искусству вышивки.

Главная задача научно-исследовательская работа по развитию искусства и подготовки кадров.

Подготовительная работа началась в 1956 году.

Выставка имеет 2 отд.: I – художеств. изделия, II – бытовые изделия.

Рабочие процессы частично механизированы.

В городе Сучжоу более 40 000 чел. занимаются вышивкой. До освобождения вышивкой занимались дома, на искусство вышивки не обращалось внимания. При Гомедоне искусство падало. Раньше изготавливались в основном предметы бытового потребления. Сейчас же искусство вышивки достигло высочайшего мастерства: освоена даже двухсторонняя вышивка.

Работает в институте 76-летняя старуха Тин Тен-Феа. До освобождения была без работы. Сейчас же передает свой опыт, свое высокое искусство и мастерство.

Еще работают без очков.

Потрясает своим высоким искусством двухсторонняя вышивка гобеленового вида.

Прекрасна по исполнению художественная выставка. Целый ряд картин, вышитые этой техникой, видели мы на выставке при институте. Вещи большого размера, до полутора метров.

Прекрасно выполнена в этой технике картина В. Серова [неразборчиво]. Портрет Ленина, причем вещи эти значительные по размеру.

I) Интересна техника (акра).

Машинной вышивкой вышивают одновременно 2 и 3 работы, пользуясь для этого тремя машинками.

II) Затем мы побывали на горе Хочу (горе тигров), на котором находится пагода Сунского периода. Пагода заметно покосилась. Существовала почти 1000 лет. Какая фантазия и изобретательность вложена архитектором в сооружении всех этих мостиков. [неразборчиво] 906 подъемов, лесенок, которые выложены из камней случайной формы.

Рис. 3. Г. Ликман. Суцжоу. 25 октября 1960 г. Бумага, акварель. Размер 350 × 240 мм
Fig. 3. G. Likman. Suzhou. 25.10.1960. Watercolor on paper. 350 × 240 mm

Рис. 4. Г. Ликман. В парке. Сучжоу. 1960 год. бумага, акварель. Размер 227 × 303 мм
Fig. 4. G. Likman. In the garden. Suzhou. 1960. Watercolor on paper. 227 × 303 mm

И никогда не надоест бродить, всегда будет казаться новой прогулка среди этого бесконечного разнообразия форм» [Ликман, 1960а. С. 60–64].

В условиях поминутно расписанного графика поездки Ликману приходилось работать в условиях, не всегда комфортных и почти всегда в спешке, буквально на ходу зарисовывая наиболее запоминающиеся из многочисленного числа впечатляющих памятников, парков и событий: «Сейчас сделал этюд из окна гостиницы. Но вообще делать приходится мало, и условий к этому нет почти никаких. Все на ходу, все спехом» [Ликман, 1960б. Письмо от 26 октября].

В акварельной работе «Сучжоу» (рис. 3) Ликману удастся передать движение стремительно текущей реки и спокойствие природы в окрестностях города. Акварель дышит спонтанностью, которая достигается за счет «прозрачности» мазков. От традиционной живописи гошуа Ликман заимствует тональный переход в рамках одного мазка, от менее насыщенного к более насыщенному и наоборот, художник избегает «сглаживания» цветовых переходов.

В Сучжоу Ликман посещает ряд парков, которые лишь «капля в море», так как в городе их имеется бесчисленное множество, и сами китайцы называют этот город «раем на земле» [Там же]. Три акварельных работы посвящены прохладным и величественным паркам Сучжоу. В акварели «В парке. Сучжоу» (рис. 4) Ликман добивается передачи пространства и характерных особенностей китайской парковой архитектуры за счет использования локальных цветовых пятен, которые при всей их кажущейся хаотичности создают гармоничное единство, способное передать духовную цельность традиционных китайских парков, заставляя вспомнить о жанре традиционной китайской живописи «горы и воды».

Однако не только природные и городские пейзажи привлекали художника. Для Ликмана особый интерес представляла передача характерных особенностей менталитета китайского народа. В Дневнике и в письме к родным он оставляет множество ярких впечатлений, которые вызваны встречами с китайскими коллегами-художниками, знакомствами с попутчиками и искренним непосредственным общением с китайскими детьми: «Приятно было наблюдать большую заинтересованность простого китайского народа к приобретению знаний. Вот, например, обычный рабочий зашел, возвращаясь домой, в музей что-нибудь узнать нового и интересного. Как внимательно

Рис. 4. Г. Ликман. Китай. 22 октября 1960 года. Бумага, акварель. Размер 197 × 330 мм
Fig. 4. G. Likman. China. 22.10.1960. Watercolor on paper. 197 × 330 mm

он рассматривает каждый экспонат. Вот согнутая фигурка над витриной, как она буквально влилась в изучаемый предмет. На спине молча сидит малышка, которую поддерживает руками. А как изумительно ведут себя школьники. Как спокойно они стоят перед экскурсоводом и внимательно слушают. Прошла большая группа школьников по залу и без тени шалости, организованно. Да, китайские дети – изумительные дети!!!» [Ликман 1960г. С. 71].

Художник не раз пишет динамичные пестрые группы китайских детей (рис. 5), едва уловимо очерчивая несколькими взмахами кисти лица и фигуры детей, используя минимум деталей как для передачи пространства, так и для характеристики фигур. При этом художнику удается достичь передачи индивидуальности для каждого из изображаемых. Как и на предыдущих работах, в данном случае мы видим «чистый», незамаскированный мазок, линия которого плавна и изящна, с видимыми цветовыми границами локальных цветовых пятен, но в то же время все линии акварели динамичны за счет использования приема чередования длины и интенсивности мазка.

Заключение

Погружение в китайскую культуру вряд ли могло стать поворотным пунктом в творческой биографии Григория Ликмана. Живописные опыты с применением элементов техники гошуа художник создает исключительно в период своего пребывания в Китае. Но, безусловно, увиденное в поездке оказалось созвучно его собственным исканиям и укрепило его в движении к уникальной лирической тональности творчества. Богатство и разнообразие декоративно-прикладного искусства, новая жизнь китайского традиционного искусства живописи, его возможности в отражении современной жизни, сама техника гошуа с ее текучестью, плавностью, глубокой философией движения мазка, приверженностью к малому количеству деталей и предпочтением локальных цветов, прозрачностью линий, – все это послужило наглядным подтверждением правильности выбранного художником пути, правильности выбранной оптики: большое, всеобщее может быть увидено через малое, частное. На страницах дневника выработанная художником камерная оптика вступает в явную и неявную борьбу с установкой на публицистический пафос, а в акварелях и зарисовках решительно побеждает.

*Материал поступил в редколлегию
Received
02.10.2024*

Список литературы

Гапонов Г.А. Григорий Густавович Ликман [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2016. № 3. Режим доступа: <https://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/grigoriy-gustavovich-likman?ysclid=m1hjbm koc5792115347> (Дата обращения 15.09.2024).

Ковалев А.В. Славгородская серия графических портретов Григория Густавовича Ликмана (1904–1991) // Искусство Евразии. 2024. № 1 (32). С. 218–231.

Ларин Е. Однажды в Новосибирске: бывший мещанин, футурист и мастер соцреализма [Электронный ресурс] // Новосиб. новости. 2024. 31 янв. Режим доступа: <https://nsknews.info/materials/odnazhdy-v-novosibirske-byvshiy-meshchanin-futurist-i-master-sotsrealizma/> (Дата обращения 15.09.2024).

Ликман Г. Г. Дневник, апрель–июль 1954 г. Собрание А.В. Ковалева.

Ликман Г. Г. Дневник, октябрь–ноябрь 1960а. Собрание А.В. Ковалева.

Ликман Г. Г. Письма к семье, октябрь–ноябрь 1960б. Собрание А.В. Ковалева.

Муратов П.Д. Художественная жизнь Новосибирска. Шаг вперед // Идеи и идеалы. 2010. № 4 (6), ч. 1. С. 134–146.

Овчинникова Л.И. Творчество Г.Г. Ликмана в 1930-е годы // Современный музей в культурном пространстве Сибири: четвертая межрег. науч.-практ. конф., 23–25 ноября 2016 / сост. С.П. Голикова; ред. С.П. Голикова, И.Р. Хамидова. Новосибирск: Новосиб. гос. худож. музей, 2018. С. 158–162.

Чень Мей-Фень. Советско-китайские культурные связи и судьбы изобразительного искусства в Китае (1920-е – 1970-е гг.): Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 1995. 30 с.

References

Gaponov G.A. Grigorij Gustavovich Likman // Sibirskie ogni, 2016, No 3. URL: <https://xn--90aefkbacm4aisie.xn--p1ai/content/grigoriy-gustavovich-likman?ysclid=m1hjbm koc5792115347> (Accessed 15.09.2024). (In Russ.).

Kovalev A.V. Slavgorodskaja serija graficheskikh portretov Grigorija Gustavovicha Likmana (1904-1991). *Iskusstvo Evrazii*, 2024, No 1 (32), pp. 218-231. (In Russ.).

Larin E. Odnazhdy v Novosibirske: byvshij meshhanin, futurist i master socrealizma. In Novosibirskie novosti, 31.01.2024. URL: <https://nsknews.info/materials/odnazhdy-v-novosibirske-byvshiy-meshchanin-futurist-i-master-sotsrealizma/> (Accessed 15.09.2024). (In Russ.).

Likman G. G. Dnevnik, aprel'–ijul' 1954 g. Private collection of A.V. Kovalev. (In Russ.).

Likman G. G. Dnevnik, oktjabr'–nojabr' 1960. Private collection A.V. Kovalev. (In Russ.).

Likman G. G. Pis'ma k sem'e, oktjabr'–nojabr' 1960. Private collection A.V. Kovalev. (In Russ.).

Muratov P.D. Hudozhestvennaja zhizn' Novosibirska. Shag vpered. *Idei i idealy*, 2010, No 4 (6), vol. 1, pp. 134–146. (In Russ.).

Ovchinnikova L.I. Tvorchestvo G.G. Likmana v 1930-e gody. In *Sovremennyy muzej v kul'turnom prostranstve Sibiri : chetvertaja mezhhreg. nauch.-prakt. konf., 23–25 nojabrja 2016* / ed.: S.P. Golikova, I.R. Hamidova. Novosibirsk: Novosibirsk State Museum of Art, 2018. Pp. 158–162. (In Russ.).

Chen' Mej-Fen'. Sovetsko-kitajskie kul'turnye svyazi i sud'by izobrazitel'nogo iskusstva v Kitae (1920-e – 1970-e gg.): Avtoref.diss. ... kand. iskusstvovedenija. Moscow, 1995, 30 p. (In Russ.).

Сведения об авторе /About the Author

Прокопьев Максим Викторович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории, культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. 630090, Новосибирск. Пирогова 1. Тел.: +7 (383) 363-41-30. E-mail: kafedra.kultura.nsu@yandex.ru

Prokopyev Maxim Viktorovich, PhD in Art History, Associate Professor of the Department of History, Culture and Arts of the Humanities Institute of the Novosibirsk State University. 1 Pirogova st. 630090 Novosibirsk, Russia. Tel.: +7 (383) 363-41-30. E-mail: kafedra.kultura.nsu@yandex.ru

Конференции

Борисенко А. Ю.

Культура русских в археологических исследованиях: по материалам конференции

С 20 по 27 октября в г. Братске состоялась очередная конференция «Культура русских в археологических исследованиях». Это была восьмая конференция, которая проходила в статусе международной, однако сам форум имеет более долгую историю. Первое мероприятие состоялось в 2002 г. Тогда же участники определили ее основные задачи, среди которых стало создание единого источникового пространства в рамках междисциплинарного изучения культуры русских на территории сибирского региона. Конференция является одним из немногих тематических научных мероприятий, оргкомитет раз от раза предлагает участникам акцентировать внимание на отдельных вопросах, связанных с основным направлением этого научного события: междисциплинарные исследования, применяемые при изучении русской археологии в Сибири; археология и письменные источники; история формирования «русской» специализации в археологии Сибири и др. Если год проведения мероприятия совпадает с юбилейными датами, организаторы отражают это в тематике очередной конференции, как было, например, с 400-летием основания г. Енисейска в 2017 г.

Со временем научное мероприятие, которое задумывалось как региональное сибирское, разрослось в международный форум, в котором на сегодняшний день уже приняли участие представители многих стран, в том числе из Китая, Италии, Германии, Франции, США, Туркменистана, Казахстана и др. Это подчеркивает актуальность вопросов, которые поднимаются коллегами в ходе обсуждений. И этот год не был исключением. В данной статье мы предлагаем обзор работы сессии «Реконструкции стратегий хозяйственной деятельности, системы и структуры питания русских на основе данных археологии, археобиологии, архивных материалов».

Работа конференции началась с пленарного заседания, на котором участников приветствовали представители администрации города Братска, председатель оргкомитета конференции, ректор Братского государственного университета и директор Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары.

Первое сообщение пленарного заседания было посвящено 100-летию Октября Михайловича Леонова, основателя этнографического

музея под открытым небом «Ангарская деревня», первооткрывателю Дубынинских писаниц. Продолжили работу пленарного заседания еще пять докладов, в которых подводились итоги археологических исследований культуры русских в Сибири; проводился ретроспективный анализ историографических исследований и истории исследования археологии русских, представленных в серии; сопоставлены понятия «национальный нарратив» и «материальная культура»; археология Нового времени рассматривалась как задел для реконструкции более ранней истории сибирского населения.

В рамках работы секции, которая начала свою работу 23 октября 2024 г. в Братском государственном университете, было заявлено шесть докладов (представлено четыре), презентации которых прошли в активном режиме в обстановке искренней заинтересованности.

Первым был представлен доклад Е.О. Горшкова (Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары), посвященный повседневной кухне русских старожилов Приангарья в середине XX в. В своих исследованиях автор пришел к выводу, что русская гастрономия Приангарья в указанный период времени сочетает в себе целый ряд традиций – русских переселенцев, русских старожилов, местного сибирского населения, переселенцев из Белоруссии и Украины. Но на нее также влияло наличие местных ресурсов. В основе ангарской русской кухни лежала доступность таких продуктов, как рыба, мясо (говядина, свинина), зерновые культуры (рожь, пшеница), овощи (картофель, капуста, брюква, огурцы), а также дары леса. Е.О. Горшковым было установлено, что традиции приготовления блюд среди русского населения Восточной и Западной Сибири отличаются. Им было сделано предположение, что это связано с разной степенью заселения русскими Приангарья и Приобья, разностью климатических условий, а также консервативностью культуры русских в Приангарье. Автор также показал, что ряд характерных признаков, свойственных гастрономической культуре русских середины XX в., сохраняется в деревнях до настоящего времени и существенно обогащает культурные традиции местного населения.

Следующим был доклад К.О. Базарной и А.А. Морозова (Институт археологии и этнографии СО РАН, Омск, Новосибирск, Россия) о керамике из раскопок Спасского собора в бывшем городе Каинск, ныне г. Куйбышев. Представленный в докладе материал был собран в наиболее древней части помещения собора, которая датируется 1722–1755 гг. и составляет 35 фрагментов, в том числе стенки, венчики и днища сосудов. Авторами был проведен анализ формовочных масс, способов изготовления и обжига изделий. В ходе изучения

фрагментов было установлено, что в наиболее часто встречающиеся компоненты керамического теста включают глину, навоз и песок. Сосуды формировались ленточным способом, а гончарный круг использовался на завершающих стадиях формования, например, для заглаживания поверхности сосуда. При создании керамических изделий применялось два вида обжига – восстановительный и окислительный, что в результате дает разный цвет изделия. Некоторые фрагменты имеют следы нагара и были отнесены авторами доклада к категории кухонной посуды. Ими были выявлены особые черты, присущие керамике Спасского собора. К таковым относятся плавно изогнутые во внешнюю сторону венчики, которые принадлежат более ранним слоям.

В докладе Е.В. Барсукова из Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия) и его коллег из Томского государственного университета, Томского государственного педагогического университета (Томск, Россия) и Лаборатории PALOC, Muséum National d'Histoire Naturelle (Париж, Франция) рассматривались вопросы, связанные с перспективами изучения раннего сельскохозяйственного освоения территории Нижнего Прикетья. Авторы утверждают, что основной причиной земледельческого освоения данного района является природно-географическая специфика, в частности особые характеристики почв. Для анализа ими были выбраны места старых пашен, определяемые по письменным источникам. Также образцы были отобраны на территории Кетского острога. Посредством почвоведческих методов было выявлено наличие остаточно-пахотного горизонта на территории археологического изучения. В результате было установлено, что земледелие было возможно благодаря использованию навоза в качестве удобрения, а также в ходе подсечно-огневых форм хозяйства, что обогащало почвы зольными питательными веществами.

Далее работа секции была продолжена докладом А.Ю. Борисенко (Новосибирский государственный университет, Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия). Автором был представлен обзор сведений о повседневной культуре русского населения, проживавшего в пределах современных границ Иркутской области в первой половине XVIII века, собранных Даниэлем Готлибом Мессершмидтом в ходе экспедиции 1723–1724 гг. А.Ю. Борисенко тематически выделила несколько информативных блоков: об архитектурных особенностях жилых помещений русских в бассейнах рек Нижняя Тунгуска, Лена, Ангара; виды хозяйственной деятельности; личностные особенности. В своем докладе исследовательница при-

шла к следующим выводам: плотность русского населения в период его описания Д.Г. Мессершмидтом была крайне невысокой, но, как показывают более поздние документы, постепенно росла, в том числе за счет ссыльных. К 80-м гг. XVIII в. русские составляли около 38 %. Природные и климатические условия определяли род их хозяйственной деятельности. Он мог быть как комплексным, например земледелие и сезонный промысел, так и носить совершенно определенный характер – только земледелие. Расселяясь вдоль бассейнов больших и малых рек, русские приносили с собой традиции своих родных мест, создавая привычное для себя символическое пространство, что должно было помочь переселенцам адаптироваться в непростых предлагаемых обстоятельствах. Это нашло отражение в строительстве жилищ и их внутреннем убранстве. Некоторые традиции, например охотничьи, в измененном виде сохранились до настоящего времени, что позволяет проследить их развитие в ретроспективе.

После краткого перерыва заседание было продолжено совместно с секцией «Методика археологического исследования памятников XVII–XIX вв. Реконструкции и проблемы аутентичности». Слово было предоставлено сотруднику ООО «Красноярская геоархеология» (Красноярск, Россия) В.В. Долгих, который сделал доклад о результатах исследования археозоологического материала из раскопок на территории г. Енисейска. Автором был проведен морфометрический анализ остеологических остатков мелкого животного, предположительно домашней кошки. Однако последующая работа с материалом показала, что скелет принадлежал собаке мелкой породы, что позволило интерпретировать ее как декоративную собаку. По предположению В.В. Долгих, эта собака могла выполнять роль домашнего любимца, что само по себе уникально для среды русских сибиряков. Кроме того, были определены собаки среднего размерного класса, которые были наиболее распространены в домашнем хозяйстве и принадлежали дворовым породам. Их использовали для охраны территории или скота, а также в качестве помощников на охоте.

Сохранность остеологических остатков, принадлежавших кошкам, имеют плохую сохранность и сложно поддаются анализу. По результатам их исследования можно сказать, что кошки также были достаточно крупной породы.

Далее выступил С.Ф. Татауров (ИАЭТ СО РАН, Омск, Россия) с докладом о значении планиграфического подхода при изучении русских археологических памятников в Сибири. Одной из основных проблем автор считает установление взаимосвязи между жилыми и производственными объектами на комплексах и определение их

датировок. По его мнению, необходимо более тщательно подходить к изучению межжилищного пространства, что позволит создать единую планиграфическую схему объекта и более точно проанализировать и систематизировать полученный материал.

Работа объединенных секций была продолжена сообщением С.А. Кухтерина из НПО «Северная археология-1» (Нефтеюганск, Россия), посвященным изучению и реконструкции северорусского «коча» на материалах раскопок Мангазейского городища. Автор рассматривает Мангазейку как единственный источник сохранившихся деталей коча. На настоящий момент в распоряжении исследователей имеется 238 подходящих для анализа фрагментов судового дерева и письменные источники. Автором были приведены технологические характеристики судна, представлена графическая реконструкция. С.А. Курехин выразил надежду на возможность реконструкции полноразмерной модели коча.

Созданию 3D-моделей надмогильных конструкций и использование их для экспонирования памятников *in situ* был посвящен доклад сотрудников Института истории и археологии УрО РАН М.К. Глазыриной и А.О. Кайсина (Екатеринбург, Россия). На примере русского некрополя в г. Слободском они показали актуальность использования методов моделирования для сохранения уникальных образцов меднолитейной пластики, каменной резьбы в культурном пространстве. В силу разрушения надгробий от антропогенного воздействия и естественного износа авторы видят актуальной задачу создания и введения в научный оборот их трехмерных моделей. Это позволяет на современном научном уровне уточнять планиграфию некрополей, реконструировать в виртуальном пространстве скопления объектов, что позволяет воссоздавать исторический и культурный ландшафт.

Коллегами из Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары М.А. Глушенко и Т.М. Дроздовой был представлен доклад, посвященный опыту строительства и эксплуатации традиционных глинобитных печей, состоящих в фонде архитектурно-этнографического музея «Ангарская деревня». Они познакомили слушателей секций с результатами своих экспериментов по выявлению технологической цепочки изготовления глинобитных печей на Ангаре вплоть до середины XX в. Последовательно было произведено четыре эксперимента. После каждого из них авторы обращались за разъяснениями к старожилам деревень Братского района Иркутской области, которые в 40–50-е гг. XX в. участвовали в изготовлении подобных печей, и вносили уточнения в процесс создания отопительного сооружения. Предварительная подготовка показала высокое значение

консистенции глины и отсутствие в ней лишних примесей в виде растительных и каменных вкраплений, что впоследствии позволяло избегать растрескивания тела печи. Благодаря использованию письменных источников, музейных экспонатов и тесному сотрудничеству с мастерами авторы смогли подробно описать все стадии работ, необходимое количество участников процесса, его продолжительность, использование специальных инструментов, таких как *биты*, *песты* и др. Результаты были представлены в рамках секционного доклада.

В продолжение последнего сообщения работу секции завершил доклад о технологиях выполнения рельефных изображений на глинобитных печах, представленный В.В. Трофимовым и А.С. Ендовицким (Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары, Братск, Россия). Представленные результаты также были получены в результате эксперимента. Известные на сегодняшний день образцы рельефных узоров глинобитных печей позволяют поставить вопрос о технологии их изготовления. Используя деревянные бруски с нанесенными на них резной техникой изображениями, исследователи предприняли попытку повторить рельефные рисунки на одной из глинобитных печей, имеющихся в Музее истории освоения Ангары. Для реконструкции использовались фотографии археологических образцов, фрагментов печных орнаментальных поверхностей. Эксперимент показал, что после сбивания печи необходимо дополнительное увлажнение поверхности для нанесения на нее отпечатка деревянным бруском. Особенности нанесения отпечатка могли требовать последующей ручной доработки орнамента. С учетом технологии постепенного заполнения печной опалубки авторы предположили, что контррельеф изображений мог наноситься на ее внутреннюю сторону до того, как печь полностью сбивалась.

Работа объединенной секции завершилась общей дискуссией, в ходе которой авторам были заданы дополнительные вопросы, высказаны предположения по улучшению экспериментальной деятельности и предметной реконструкции. Ни один из докладов не остался без внимания слушателей, а авторы получили пожелания успехов в научном поиске.

А. Ю. Борисенко
доктор исторических наук
старший научный сотрудник
Лаборатории гуманитарных исследований
Новосибирского государственного университета
и Института археологии и этнографии СО РАН

A.Yu. Borisenko

**Russian Culture in Archaeological Research: Based on
Conference Proceedings**

The article presents information on the work of the section "Reconstruction of Economic Traditions, System and Structure of Russian Nutrition Based on Archaeological, Archaeobiological, and Archival Materials" within the framework of the International Conference "Russian Culture in Archaeological Research", held in Bratsk from October 20 to 27, 2024. The scientific event was organized with the support of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the city administration. Bratsk, the Bratsk City United Museum of the History of the Development of the Angara, and the Italian Association of Ethnoarchaeology. Representatives of 39 cities in Russia and other countries took part in the conference. The conference collection includes articles by 154 authors from Russia, China, Kazakhstan, Turkmenistan, Italy, Germany, France, and America. Representatives of the Bratsk city administration, the chairman of the conference organizing committee, the rector of the Bratsk State University and the director of the Bratsk city united museum of the history of the development of the Angara addressed the conference participants with an important word. The conference became a necessary event in the study of archeology, history, and culture of the Russian population of Siberia.

Keywords: Siberia, archeology of Russians, history, World Conference.